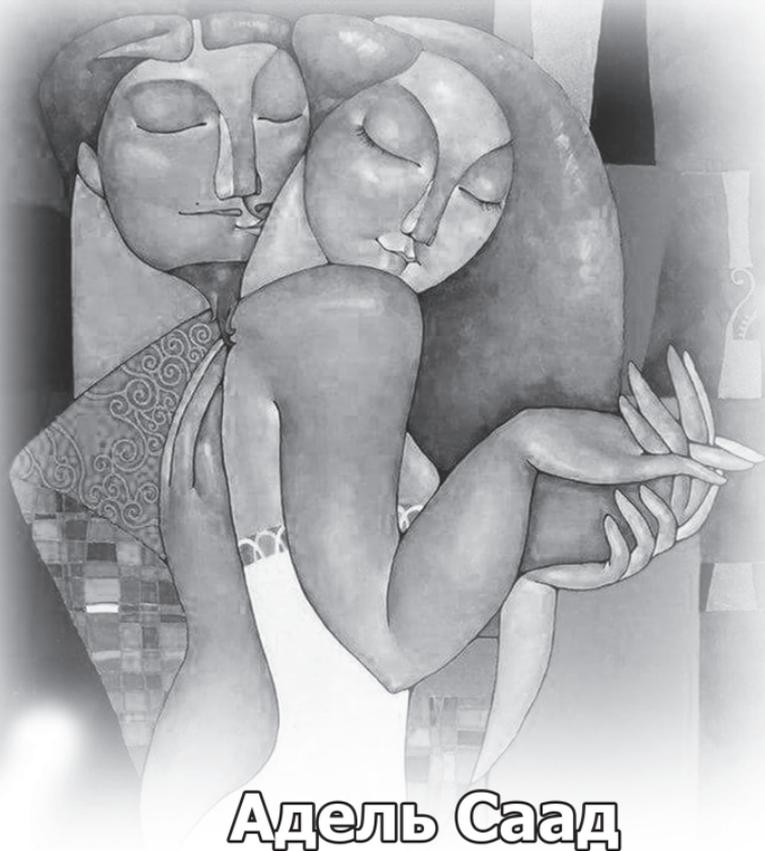

Христианин по имени Рамадан

Адель Саад

**Перевод с арабского
Федоров Николай**

Изд-во

Российские новости
www.russiannewsar.com

Издательство

www.russiannewsar.com

Главный редактор изд-ва
«Российские новости»
д-р Хуссейн Эль-Шафи
h.elshafie57@mail.ru

Адрес
Каир, г. Убур.

44971, Ассоциация Ахмед
Ораби - п.я. 72
Тел. и Факс: + (202) 24698170 & 071
+ (20) 01006774027
E-mail: secertary_ert@yahoo.com

Художественный
редактор

Ахмед Осман

Типография

Advanced Press House

Каир, г. Убур.

Тел. и Факс: + (202) 4478 96 44 & 46

Издание первое
2017 г.

Все права защищены.
Переиздание и
копирование данной
книги в какой бы
то ни было форме
без письменного
разрешения владельца
авторских прав
запрещено.

ISBN

1079 / 2017

978 - 977 - 07 - 1720 - 2

ترجمة لكتاب
رمضان المسيحي
تأليف / عادل سعد
ترجمة / نيكولاي فيودورف

При содействии

Египетско-Российского
фонда культуры и наук

www.arfcs.org

Научный руководитель института
Профессор Д-р/ Виталии Наумкин

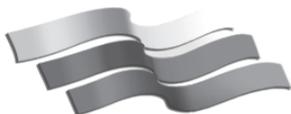
Председатель Египетско-российского
фонда культуры и наук
Д-р/ Хуссейн Эль-Шафии

АДЕЛЬ СААД

**Христианин по имени
Рамадан**

**Перевод с арабского
Федоров Николай**

Издательство

Российские Новости
www.russiannewsar.com

Христианин по имени Рамадан

«Один дуралей спросил у любителя попридуряться:

«Как можем мы, в море купаясь, на части не распадаться?

Ведь созданы мы из самой обычной глины?

Или все это – ложь, которой нас кормят кретины?».

Ответ собеседника был вопроса достоин:

«Действительно, все мы из глины, уж будь спокоен.

Хоть и проста она, да и нету ценности в ней,

Солнца лучи сделали ее заметно прочней».

Эти строки принадлежат Галялю Уляме, поэту из нашего родного города. Умер он в неизвестности.

Мы родились в Асьюте, далеком южном городе Египта. Мы появились на свет не во дворцах, но жили счастливо.

В нашем родном городе жарят арбузные корки и продают их чужестранцам под видом рыбного филе. Люди часто обвиняют нас в жадности. Они говорят, что достаточно обезьяны и одного выходца из Асьюта, чтобы устроить хаос в любом месте. Порой они усаживаются перед телевизором, чтобы посмотреть на нас. Мы давно уже стали заложниками образа, транслируемого через этот светящийся ящик. Как грустно нам наблюдать за кривляньями актеров, вспоминая своих земляков и сравнивая показанное на экране с реальностью.

Наш друг Махмуд аль-Ильвани тренировался в беге босиком. По несколько раз на дню он преодолевал двадцать пять километров, отделяющих его родную деревню Ильван от Асьюта. Нам стоило большого труда уговорить его впихнуть загрубевшие ноги в бутсы для профессиональных бегунов. Впрочем, в бутсах он пробежал только первые четыреста метров марафонского забега, а затем осрамил нас, запустив в нашу сторону ненавистной обувью, и рванул вперед босиком. Спустя полтора часа он разорвал ленточку на стадионе в Каире. Махмуд аль-Ильвани пришел первым и стал чемпионом Египта. Ближайший преследователь отстал от него почти на километр.

Махмуд аль-Ильвани, отец четырех детей, наемный сельскохозяйственный работник.

На шоссе в Асьюте грузовой автомобиль переехал ему ноги. Ноги, которым завидовал сам ветер. Их пришлось ампутировать. Аль-Ильвани удалился в родную деревню, где вел печальную жизнь отшельника.

Как-то раз я, вместе с другими тупоголовыми ослиами, принимал участие в голосовании. Решение народного схода было таково: Сейид Кияни позорил нас на всю округу. Дело в том, что он, по свидетельствам очевидцев, «ел макароны в футболке с коротким рукавом»¹. Против голосовал только Махмуд Абу Мангаль. Во время обсуждения он все никак не мог поверить в случившееся: «А ты сам-то его видел? С этими макаронами?».

¹ На юге Египта макароны не входят в каждодневный рацион. На себя принято одевать галабею с длинным рукавом.

Еще будучи студентом, я отправился в Александрию, где устроился портовым грузчиком. Однажды я случайно забрел на волейбольный матч. Команда Колледжа святого Марка, обучение в котором было организовано на французский манер, а среди выпускников числились такие люди, как король Иордании Хусейн, кинозвезда Умар Шариф и королева Испании София, принимала команду из деревни Дурунка. В одном из простых глиняных домов этой деревни, притаившейся в занесенной песком впадине Западной возвышенности, родился Хут аль-Саид, знаменитый убийца и разбойник. В ней же был похоронен шейх Бахит, о котором, откровенно говоря, никто ничего и не слышал.

От нечего делать, жители Дурунки коротали время, убивая друг друга. Они долго не могли взять в толк, зачем, как придурочным, лупить по мячу и не давать ему коснуться земли? Но в один прекрасный день житель их деревни нашел ответ на этот вопрос. Он начертил квадратное поле в деревенском спортивном клубе и натянул сетку. Когда жители Дурунки, наконец, уяснили правила, а желающих принять участие стало слишком много для одной площадки в клубе, играть стали прямо в поле. Кусок ткани или веревку натягивали между двумя пальмами, а остальное пространство превращалось, тем самым, в волейбольную площадку. С тех пор в Дурунке насчитывалось до нескольких тысяч игроков. Вскоре деревенская команда уже могла бросить вызов аль-Ахли и Замалеку². Можно сказать, что мне повезло

2 Два наиболее значимых спортивных клуба Египта.

оказаться на их матче с Колледжем Святого Марка, проходившем в рамках чемпионата Египта.

На всем стадионе Колледжа святого Марка мы, четверо, были единственными болельщиками команды из Дурунки. При входе нас тщательно обыскали и проверили удостоверения личности. Стоило нам оказаться внутри, как мы, привлеченные очаровательными болельщицами соперника, хором скандировавшими кричалки, фактически предали свою команду. Окружности их нежных грудей совершенно вскружили нам голову. Появление команды Колледжа смутило нас окончательно. Волейболисты хозяев были в роскошных тренировочных костюмах голубого цвета, не уступала в великолепии и их форма – шорты пепельного цвета и желтые майки с золотым отливом. Началась разминка. На сетку один за другим обрушились сокрушительной силы удары. Одобрительный гул в зале усилился.

Тут в зал вошла наша команда. Большинство игроков – в галабеях, настоящий строй наемных работников, прошедших последние месяцы вдали от дома и возвратившихся только ради игры. Среди них было лишь несколько человек в брюках, рубашках, и сандалиях. Абу Лифа, их тренер, объявил разминку. Они побросали свои лохмотья в кучу, а сверху положили сандалии, сланцы и тапочки, чтобы тряпье не разлетелось. Из-под галабей показались шаровары и майки, точный цвет которых определить было трудно. Ели быть честным, то у каждого игрока

нашей команды форма была своего особого цвета. В большинстве своем волейболисты из Дурунки играли босиком, а некоторые, в придачу, забыли снять чалму. С трибун раздались шуточные выкрики и смешки.

Болельщики нарочно стали кричать грубым голосом, напоминая скрежет пилы по дереву: «Эй, Дамаль, ну ты, длупец, стядивай далабею (Эй, Гамаль, ну ты, глупец, стягивай галабею); Эй, Даляль, ты что, доловой ударился (Эй, Галяль, ты что, головой ударился?)». И так далее и тому подобное. В арабском алфавите двадцать восемь букв. Но жители Дурунки, и игроки нашей команды в том числе, в речи используют только двадцать семь. Они произносят *гим* как *даль*³. Никто не знает, почему в Дурунке не любят *гим* до такой степени, что вообще его не выговаривают. Может, такое произношение восходило к одному из диалектов племени курейш⁴ или какого-нибудь йеменского племени. Впрочем, ни у судьи, да и ни у кого другого, не было времени на занятия лингвистикой. Достаточно было того, что он контролировал ситуацию на площадке.

У тренера нашей команды был большой фломастер, которым он писал номера на спинах

3 Название арабских букв, обозначающих звук «гэ» и «дэ» соответственно.

4 Название одного из наиболее почитаемых арабских племен, к которому принадлежал пророк Мухаммад. Считается, что литературный арабский язык сформировался на основе диалекта этого племени.

игроков, если это было необходимо. Один из игроков притащил тряпичный пакет, откуда наружу изверглись три потрепанных мяча. От топота ног вошедших на площадку в страхе задрожал паркет. В воздух взметнулись огрубевшие ладони пахарей. Над сеткой, точно из пушки выпущенные, засвистели мячи. Крытая кондиционируемая арена Колледжа погрузилась в молчание.

Хоть результат и получился однобоким, неинтересным матч назвать было нельзя, тем более что к нам присоединились лучшие представительницы прекрасного пола Александрии. Босые игроки команды из Дурунки разбили соперника в пух и прах и стояли теперь, утирая с лица пот галабеями.

Все, что я описал выше – пустая болтовня. И нет в ней ничего смешного, так как в нашей жизни были не только победы, но и горькие поражения.

Но наша история слишком длинная, и рассказывать ее нужно отдельно. Она о тех, кто в конце 70-х годов отправился в Европу, и о том, что с ними там стало.

1

Окруженный телевизионными камерами он принял причастие. Он, в прямом эфире, появлялся на свет еще раз, теперь уже христианином. Он окунулся в воду, приняв крещение, и покорно склонил голову, а патриарх перекрестил его. Ведущая, внимательно следившая за неторопливо совершавшимся обрядом, торжественно объявила: «Рамадан проглотил тоненький кусочек хлеба (*просфору*), предварительно опущенный в вино, символизирующее кровь Иисуса Христа. Теперь Рамадан христианин. Он принял крещение и испытал благодать таинства евхаристии в доме господина. Его жизни теперь ничего не угрожает, так как отныне он политический беженец и находится под защитой греческого народа. И как иначе? Ведь эти варвары могли бы убить его, как вероотступника, изменившего исламу».

Подобные репортажи по греческому телевидению мы видели неоднократно. Но в этот раз наше негодование усиливал тот факт, что мы знали Рамадана лично.

Запад унизил нас. Я ждал, что Рамадан при встрече плюнет мне в лицо, или, на худой конец, как всегда заорет: «А твое-то какое собачье дело?».

На удивление, в тот вечер он, как ни в чем не бывало, стоял, опершись одной ногой на стену, на

своем привычном месте перед кафе на углу улицы, скрываясь от полуночного света. На нем была ковбойская шляпа красного цвета (такой я не видел даже в американских фильмах) и дорогое женское пальто белого цвета с воротом из густого меха. На груди сверкали ряды медных пуговиц. Зеленые брюки из синтетики были затянуты широким черным ремнем с блестящей на свету пряжкой.

Желания разговаривать с ним у меня не было. Наоборот, я надеялся выказать ему свое максимальное пренебрежение, даже отвращение.

Но он своей язвительной фразой застал меня врасплох: «Эй, студент, иди-ка сюда!».

Мне стало неловко. Откровенно говоря, я ожидал, что он спросит меня: «Смотрел телевизор?»

Я даже придумал заранее, как мне ответить на этот вопрос, чтобы поддеть его посильнее. Теперь же я покорно двинулся вслед за ним. Он усадил меня за стол, сбросил с него все лишнее, положил передо мной чистый лист бумаги и ручку и начал диктовать:

«Госпоже Гамалят Хасабу Ханафи,

Умм Фатхи,

На свете вечен только Аллах. Ваш муж, Рамадан Касем, Абу Фатхи, водитель телеги, представитель нашей диаспоры в Греции умер.

Уважаемые люди похоронили его тело и помогли нам собрать причитавшиеся ему деньги и продать оставшиеся после его смерти пожитки. Рамадан был очень беден. Все, что от него осталось, – двадцать купюр (каждая достоинством в сто долларов). Эти деньги мы отправляем вам для содержания Умм Махмуд (матери покойного) и его детей. Делаем мы это единственно с тем, чтобы деньги не оказались в плохих руках. Крепитесь!

Все мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!

Друзья покойного».

Письмо было короче предыдущих, но гораздо более трогательным.

От осознания смерти Рамадана мне стало тяжело на душе. Я думал, что он захочет добавить еще хоть несколько строк, но он только и сказал: «Хватит с них».

Я спросил: «Почему только две тысячи долларов? Добавь еще пятьдесят долларов. Так будет правдоподобнее. И потом, разве тебя никто здесь не знает? Я имею в виду, что после того, как деньги придут, кто-нибудь может рассказать им, что на самом деле ты жив».

Из его груди вырвался гневный вопль. Он огляделся по сторонам, словно кого-то искал: «Я все продумал. Даже самому не верится, что у меня все получилось».

Кто здесь может меня выдать? Думаешь, я снова буду платить? Если кто-то попытается меня шантажировать, я надеру ему зад!».

Он все твердил: «Они никого отсюда не знают. Да и здесь никому не известно, где они живут. Думаешь, им вообще известно, что такое доллар? Ну как, передохнул? Тогда пиши атрес (он имел в виду адрес). Теперь понял? Кроме тебя, никто не знает, где они живут. Услышал меня?».

В его тоне чувствовалась угроза. Я утвердительно кивнул головой, провел языком по краю конверта и запечатал его.

Все это время Матильда крутилась около нашего стола. Она внимательно следила за манипуляциями с бумагой, вслушивалась в наши слова. Ее голый живот, слегка нависавший над белыми штанами, то надувался, то сдувался. Она склонилась над Рамаданом и облокотилась грудью ему на плечо, выставив задницу на всеобщее обозрение. Когда я написал адрес и Рамадан забрал у меня конверт, Матильда поняла, что конфликт наш разрешился благополучно. Она прошептала: «*Рамазан, эла эзо*» (Рамадан, иди сюда). Ее русые волосы спадали на лоб до самых аккуратно выщипанных бровей. Губы были накрашены. Глазами она пожирала Рамадана.

Он посмотрел на меня, чтобы оценить произведенный столь явными проявлениями

страстного желания эффект. Убирая письмо в карман пальто, он сказал: «Знаешь, я устал. Может, ты ей присунешь?». Я смущенно перевел взгляд с него на нее.

Рамадан засмеялся и добавил: «Попробуй. Ты бы знал, как она хочет палку!». Тут он вытянул руку, изображая мужской половой орган.

Матильда улыбнулась и закивала, подтверждая все сказанное. Затем она повторила показанный Рамаданом знак.

Он протянул одну руку под другой и ущипнул ее за живот. Она с криком отскочила от него и захихикала.

Рамадан и водители телег появились в районе Цизефеас гораздо раньше меня. Когда я и три моих друга поселились у тетушки Толи, мы сразу поняли, что это простонародный район для бедняков, расположенный рядом с конюшнями и ипподромами.

По соседству с нами жил египтянин-конюх ходжи Ибрагим с семьей. Он часто молился и держал пост в рамадан. Его младшая дочь Мага в свои пять лет говорила по-гречески лучше нас всех вместе взятых. А старшая носила в узкие цветные джинсовые шорты до колена, как все гречанки. Как-то она проходила мимо нашего сада. Проводив ее взглядом, тетушка Толя высказала мнение, что у нее отличная задница.

Кафе, где собирались конюхи и возницы, жило по своим особым правилам, не обращая внимания на священную тишину Афин в период с трех до пяти часов дня, закрепленную законом. Здесь всегда стоял крик, через каждую минуту слышались ругательства, летали бутылки, случались жестокие драки.

Завсегдатаи кафе, в большинстве своем, работали на ипподроме. Их очень точно охарактеризовал Сонкор: «Знаешь, что значит быть возницей? Это все равно, что быть слугой, который бежит подле экипажа. Только у последних нет ни экипажа, ни лошади».

Кафе было небольшим, всего на пять столов. Практически притон. Но когда в нем собирались египтяне, оно начинало расширяться. Хозяин не хотел нарушать закон, а потому тот, кому не досталось места, садился с чаем или кофе, с пивом или сопровождавшей его проституткой прямо на тротуар.

Кроме Матильды, в кафе заживало еще с десятков проституток, если, конечно, им не удавалось найти клиентов. Большинство из них было за сорок, и они все время были заняты соблазнением прохожих. Но желание египтянина удовлетворить не так-то просто. Он не успокоится, пока не выхватит нож и силой не отнимет женщину у знакомого, чтобы опозорить его перед другими мужчинами.

К кафе подошел Сейид Примо. Джинсовый костюм, волосы блестят от лака, а в зубах длинный мундштук.

Настоящий гигант. Он уселся рядом с нами, смачно плюнул Рамадану в лицо и, словно обращаясь к кому-то другому, произнес: «Какого хрена ты наделал, ублюдок?».

Рамадан вскочил с места: «Раньше, мистер «знаю все обо всем лучше других», ты говорил, что отправишь меня домой, и брал мои заработанные честным трудом деньги за молчание, угрожал сообщить обо мне в полицию. Теперь уже я могу с легкостью отправить тебя за решетку!».

«Ты продал свою веру, чтобы посадить меня в тюрьму, подонок?», – поинтересовался Сейид, залпом осушая стакан коньяка.

«Я мусульманин, и в исламе понимаю побольше твоего! Аллах сказал, что вера – в сердце», – отвечал Рамадан.

Сейид захрипел: «Когда это он такое сказал? Лично я не слышал!».

Тут в разговор вмешался Сонкор: «Зачем вообще ты это сделал?! Своим поступком ты навлек на себя гнев Аллаха, Рамадан».

В ответ на его замечание Рамадан разразился целой речью: «Согласно исламу, существует рай и ад. В раю много женщин, Матильда, виски, сигареты Мальборо,

вкусные блюда из курицы, персики гурмадис⁵. А ад... он там. Раскаленная от солнца комнатуха, вечно чем-то недовольная мать, запах мочи, жена и четверо детей, старые примусы, фуль, фалафель, штучные сигареты и страшная духота в автобусе». В этот момент он повернулся к Сейиду и добавил: «И вообще, упаси нас Аллах от такого поверенного в своих делах, который каждый день занимается сексом с тремя женщинами минимум и глушит виски залпом, стакан за стаканом. Я уж и не говорю о том, чем ты занимаешься с тем греком, твоим другом».

Последнее предложение Рамадан произнес заметно громче. Я ожидал, что вот-вот начнется драка и немножко отодвинулся от стола. Но Сейид-великан некоторое время ничего не говорил, а затем крикнул хозяйке кафе: «Кофе с сахаром и стакан узо⁶ для оскорбленного члена нашей компании».

Раздался крик Али аль-Гатита. Он сидел за соседним столом, уткнувшись головой в груди своей немолодой подруги Гали. Она мягко отодвигала его, а он вновь и вновь пытался пристроить голову на прежнее место. Заигрывая с ней, он все повторял: «Это не твое, а наше общее». Он вытянул руку и изобразил половой член, одновременно угрожая и поясняя ей: «Наш член и в телевизоре побывал».

Рамадан вскочил и бросил стакан в лицо аль-Гатиту.

Стол перевернулся, и я выбежал из кафе.

5 Название одного из лучших сортов персиков.

6 Греческая водка на анисовой основе.

2

В Афины я приехал с одним профессором-аферистом из Асьюта. «На сто процентов надежный», – так его характеризовал мой друг Мухаммад Салах, полусредний нашей гандбольной команды. Я же, будучи разыгрывающим, полагал, что прекрасные гречанки с нетерпением нас ждут.

Пятьдесят юношей высадились на площади Омония⁷, в самом сердце Афин.

Было уже за полдень, когда мы вышли из автобуса. Шелковые лучи солнца ласково с нами заигрывали.

По указанию руководителя группы, полномочного представителя доктора Нассара, мы направились к площади Синтагма⁸ пешком.

Дорога оказалась трудна: на нашем пути то и дело встречались прекрасные гурии в до ужаса коротких платьях, в шортах, от одного взгляда на которые нас охватывало пламя, в майках с открытым животом, выполненных из прозрачного хлопка. Сквозь ткань мы различали чарующие соски их груди. Их было так много, что нашим глазам было не под силу разглядеть всех.

7 Площадь в историческом центре Афин.

8 Площадь перед зданием греческого парламента.

Наши лица словно одеревенели. У всех началась коллективная головная боль.

Белокожая следом за мулаткой; стройная и статная, а за ней – очаровательная негритянка; или другая – с бронзовой от загара кожей. У всех красивые длинные ноги и крепкие груди. Все остальное скрыто под одеждой, которую так и хочется с них снять.

Поезд из Верхнего Египта неторопливо двигался по центральной части Афин. В руках – сумки, а взгляд сосредоточен на ногах и задницах встреченных гречанок. Солдат почетного караула в традиционной национальной форме (короткая юбка, туфли-лодочки, вышитые чулки, красный берет и винтовка) становился все ближе, возвещая прибытие на знаменитую площадь Синтагма.

С широкой площади в небо вспорхнул голубь.

Из-за стеклянной витрины красавица крикнула по-арабски: «Иди сюда, дорогой!». Ее внешний вид полностью соответствовал нашим желаниям: она была совершенно голая. Наш взгляд застыл на ее неприкрытой груди, затем скользнул вниз живота. Поезд остановился.

Мухаммад Салах, словно молодой ослик, признавший свой дом, резко развернулся и двинулся внутрь. За ним через ту дверь, которую она нам указала, последовал и я. Многие студенты из нашей

группы были напуганы, кто-то даже крикнул: «Куда вы идете?».

Салах ответил: «Ты что не слышал? Она сказала мне «дорогой». Она меня знает». Мы вошли внутрь.

Торговавшая любовью девушка внимательно изучила наши сумки, а затем заговорила на языке, которого мы не знали. Надо было что-то отвечать. Тут Аллах послал Салаху вдохновение, и он произнес единственную известную нам фразу по-гречески: «*Иши дулея?*» (Здесь есть работа?). Она ответила: «*Нэ, Нэ*» (Да, да). Мы снова ничего не поняли, но Салах продолжил спрашивать: «*Иши овертайм?*» (Здесь можно получить дополнительную работу?). Красавица разразилась гневным криком и принялась прикрывать свою наготу, попутно осыпая нас проклятиями и ругательствами. Мы бросились наутек.

Али Нассар ежегодно организовывал научные поездки. Он списывался с каким-нибудь греческим университетом, договаривался с его руководством о поездке студентов в Грецию во время летних каникул и получал подтверждение, позволявшее получить в посольстве визу. Все с ним было понятно с первого взгляда. С одного человека он брал две тысячи фунтов. И это не считая покупки билетов, стоимость которых назначали его коллеги. После сбора документов и

получения общего заграничного паспорта на всю группу, копию которого ты имел право получить в Афинах, тебе было гарантировано трехдневное проживание в гостинице без еды, а дальше все зависело уже только от тебя самого.

Он носил блестящий как вымытое стекло костюм коричневого цвета, за который не грех и в тюрьму отправить. В Верхнем Египте таких, как он, называют чмошник. На его черном, цвета земли, черепа красовались дешевые очки из желтого пластика. С его тощей шеи свисал словно пожеванный собакой галстук. Он не любил болтать и никогда не торговался. В такую поездку он отправлялся уже пятый год подряд. Вся его контора – два студента-помощника в Асьюте, отвечавшие за сбор денег, подготовку документов и решение бумажных вопросов, да еще двое в Афинах, выполнявших сходные функции.

Доктор наук Али Нассар занимался вопросами увеличения урожайности сельскохозяйственных культур. Для него мы тоже были растениями: он выхаживал нас, а затем собирал. Стоило нам только поступить в университет, как он брал с каждого из нас по две тысячи фунтов. Еще тысячу он наваривал на авиабилетах. За одну поездку, подготовка к которой длилась не более месяца, он зарабатывал четверть миллиона фунтов. Человек, не знавший толком, что такое брюки и рубашка.

В гостинице «Космо», располагавшейся недалеко от площади Синтагма, все было готово к нашему приезду. Начался обратный отсчет. С заселением в гостиницу завершился первый день нашего законного пребывания в Греции. Каждому была выдана копия общего загранпаспорта. Нассар провел в гостинице два часа: выслушал отчет тех двух студентов-египтян, уполномоченных заниматься подготовкой документов и гостиницы в Афинах, и выпил с ними пива. Мы же разошлись по номерам. Больше мы Нассара не видели.

Я открыл окно. Ночь была тихая. Я приглушил свет и встал у окна, втягивая носом воздух. В тусклом свете окна напротив можно было различить очертания двух фигур. В это влажное лето кто-то занимался любовью и не осознавал, что из тени окна напротив за ними следят два глаза с жаркого африканского континента.

Наша трехдневная отсрочка истекла. Все свое время мы проводили в поисках нового пристанища. В результате нам подвернулась дешевая простая гостиница.

Теперь у нас было еще три дня перед тем, как мы начнем голодать.

Вернувшись в гостиницу после поисков работы и жилья, мы располагались холле гостиницы,

единственном месте, где мы могли отдохнуть, утопая в мягких кожаных креслах.

Рядом с нами в креслах у ресепшена расположились три девушки, всем больше тридцати. На них были легкие хлопковые мини-юбки и топики. Из-за жары они не надели лифчики, а две из них были вовсе без белья. Убедиться в этом было нетрудно: достаточно было заглянуть им между ног.

Мы с Салахом наслаждались зрелищем игры одной из девушек с другой, из-за которой ее короткая юбка задиралась еще сильнее, а грудь время от времени соблазнительно тряслась.

Я вышел за сэндвичами. Вернувшись, я не обнаружил Салаха на месте и направился к нашей комнате. Он открыл дверь и прошептал: «Давай мне бутерброды и подожди снаружи. Я тебе потом все расскажу».

Самая толстая из тех трех девушек улыбнулась и подмигнула Салаху. Тогда он подошел к ней, сказал пару фраз по-английски, но она его не поняла. Он указал на нашу комнату, будто собираясь ей что-то показать, и она согласилась пойти с ним. Он запер дверь и попытался ее обнять и поцеловать, но она стала сопротивляться, вырвалась из его объятий и отбежала к двери. Тут он схватился за голову, оправдываясь и делая вид, что теряет сознание и сейчас упадет.

Это заставило ее передумать и остаться. Салах снял рубашку и все, что было под ней, и встал перед нею в чем мать родила. Но он не дал ей усомниться в своих намерениях, отвернулся, одел галабею, которая заменяла ему пижаму, и сел на край кровати, зажав голову между рук. Только тогда она вышла из комнаты.

Спустя пару минут она повернула дверную ручку и шепотом осведомилась о его самочувствии. Он все также сидел на краю кровати. Она приблизилась к нему, чтобы погладить его по голове. На ней были кое-какие украшения, а от ее тела приятно пахло духами. Тут-то она и узнал, что именно у него болело на самом деле.

Когда мы вышли в холл, она стояла рядом с подружками. Она снова подмигнула Салаху издалека, а ее подруга, вся красная от смущения, отправилась в комнату со мной.

Мавас, студент сельскохозяйственного факультета из деревни Сухаг, получил приглашение в комнату третей. Он запрыгнул на нее, но она его оттолкнула. Тогда он решил сделать все, как в фильмах, и был за это награжден пинком. Мавас попытался овладеть ею, удерживая ее руки и зажав ей рот. Крики продолжались несколько минут. Когда он вышел, под глазом у него красовался фингал, а на шее виднелись следы от ногтей.

Пока стояла суматоха, мы прибрали к рукам давно нами замеченную бутылку мартини, недопитую американцами. Мы воспользовались переполохом и утащили ее к себе в комнату. Крики стихли, а взбешенный произошедшим официант все продолжал поиски бутылки.

Через неделю пребывания в Афинах у нас не осталось денег, чтобы платить за жилье. Все эти дни мы безрезультатно прошлялись по улицам в поисках квартиры и работы. По-гречески мы не знали ни слова, так что вернулись мы ни с чем.

Как-то вечером в нашу гостиницу зашли трое молодых египтян. Они увлеченно о чем-то разговаривали. Как раз в это время мы с Салахом вышли из комнаты и направлялись к выходу по коридору. Один из них при виде нас воскликнул: «Быть этого не может!».

Я остановился перед ним в смущении. «Ты что, не помнишь меня? Я Адель Фахим. Мы дружили в средней школе. Что нового в мире спорта?».

Адель, чрезвычайно худой и невысокий ростом копт. Он толком даже не дал мне возможности вспомнить самому.

«Ты вообще почему здесь живешь?».

На улице еще не стемнело, а мы с Мухаммадом Салахом, заплатив за месяц аренды, уже стали жителями Калифеи. В карманах у нас было пусто, если не считать бумажки с телефоном Аделя и нескольких драхм, которые он мне впихнул со словами: «Отдашь, как найдешь работу. Если деньги закончатся, дай мне знать. Я всегда тебя выручу».

Во всем мире нет ничего прекраснее улиц Калифеи⁹. И нет лучше кинотеатра, чем тот, что на углу торговой улицы нашего района. А как прекрасен фильм «Любовник леди Четтерли», поставленный по роману Лоуренса, из которого египетская цензура не вырезала половины сцен.

Брутальный егерь просыпается у себя и видит жену хозяина замка, которая нагишом кружится под холодным дождем. Любовные муки заставляют ее стонать. Он уносит ее в свою деревянную сторожку, в самой чаще леса. Он укладывает ее на постель, вытирает ее тело, отогревает ее. Затем он украшает ее грудь, живот и промежность полевыми цветами, а на лбу, в виде короны, располагает розу. Он вновь вдыхает ее аромат, один цветок за другим. Она издает стон и взрывается под ним, как вулкан.

⁹ Район в Афинах.

Наша улица, протяженностью в километр, очень тихая. По обеим сторонам ее – апельсиновые деревья, на каждом из которых клетка с птичкой, насвистывающей свою особую, не похожую на трели других птиц мелодию. И жители каждого дом соперничают друг с другом в уходе за своим деревом.

По выходным дома раскрываются настезь, сливаясь с улицей. Греки живут на балконах: в стометровой квартире восемьдесят метро занимает балкон. На нем выращивают редкие растения и цветы, выставляют плетеные стулья и комфортабельные кресла. В этих тропических зарослях греки смотрят телевизор, едят, занимаются любовью, танцуют и поют.

Утром вашему взору открывается чарующая картина: цветущие апельсиновые деревья, с зеленью листьев, поющие птицы, ресницы девушек, провожающих взглядом вас, своих соседей.

В дверь позвонили, но за ней мы никого не обнаружили. Там стояли наши мусорные пакеты, только плотно завязанные. Сверху лежало письмо. Мы позвонили Аделю, но он сказал, что ради этого ему не стоит приходить. Он объяснил, что здесь запрещено оставлять открытые пакеты с мусором перед дверью. Что человек, который забирает мусор, приходит три дня в неделю, а в остальные дни выставляют пакеты

наружу нельзя. Кроме того, пакеты оставляют за дверью всего на час. За это время он выносит их, а неприятный запах не успевает распространиться на лестнице. И наконец, перед домом есть мусорный контейнер, который жители дома убирают по очереди. Каждая квартира в течение одной недели. Так он вкратце пересказал предполагаемое содержание письма одного из наших соседей, оставленного на мусорных пакетах.

3

Рамадана вызвали к властям, чтобы заполнить бумаги о предоставлении ему политического убежища.

Это было ожидаемо.

Следователь спросил: «Почему бы тебе не сменить имя?».

Рамадан был в растерянности. Он подумал, что, может быть, совершил какую-нибудь ошибку, и его теперь посадят. Два дня он вместе с адвокатом готовил ответы на возможные вопросы следователя.

Он нервно сглотнул и спросил у следователя, какие имена ему могут предложить, заметив, что в целом он не против. Следователь ответил: «Яни, Паоло, Баскалдес, Юрго, Христо». Сам он рекомендовал Рамадану последнее имя.

Рамадан, чтобы выиграть время, спросил о значении имени Христо. Следователь с гордостью отвечал, что это имя Господа нашего Иисуса Христа.

Он осенил себя крестным знамением, как его и учили.

Рамадан, обратившись к следователю, отвечал: «Величественное имя. Но я боюсь его носить, так как я люблю женщин, и у меня есть вредные привычки».

Переводчик разъяснил сказанное Рамаданом следователю. Тот улыбнулся.

Рамадан набрался смелости и поинтересовался: «А чем плохо имя Рамадан?».

Следователь ответил: «Имя как имя, только что оно значит?».

Он долго расспрашивал переводчика о значении имени Рамадан в арабском языке. Тот объяснил, что так называется месяц духовного сближения с небом путем молитв и поста. Следователь решил, что по-арабски слово «рамадан» означает Великий пост и вписал его в графу имя при всеобщем одобрении.

Затем он спросил Рамадана, что скажут о его решении родственники. Адвокат научил его, как правильно отвечать на этот вопрос. Рамадан провел большим пальцем по горлу.

Следователь его понял и спросил: «Ты получал угрозы?».

«Да».

«Тебе нужна охрана?».

«Нет».

«У тебя там остались жена и дети?».

«Нет».

Вечером Рамадан вернулся в кафе, чтоб похвастать тем, как ловко он провел следователя и, при этом, остался предан исламу.

Только Рамаданом его больше никто не называл. Он стал Христо.

В лицо Христо по поводу и без плевали жвачкой. Один из завсегдатаев кафе играл в домино и, перед тем как вскрыть победную костяшку, закричал: «Ай да Христо, ай да сукин сын! Славься домино! Я выиграл!». Шутки, связанные с его именем, становились все более изощренными и все более обидными. Кто-то сказал: «Хреново пахнет! Не так ли, ребята?». А другой, входя в дверь, спросил: «Никто не видел Исто?».

4

Моча так сильно сдавила мой мочевой пузырь, что, опорожняясь, я закрыл глаза от удовольствия. В слегка приглушенном красном свете я стоял перед писсуаром, сам весь раскрасневшийся. Меня пробирала дрожь. Я открыл глаза и стряхнул последние капли. Член мой разбух. Мой сосед собирался расстегнуть штаны. Он так внимательно следил за мной, что аж вытянул шею от соседнего писсуара.

Видеосалон с порнографией работает двадцать четыре часа, с небольшими перерывами на замену ленты. Я спросил: «Когда фильм закончится, мы уйдем?». Рамадан ответил: «А он не закончиться. Бесконечный показ. Хоть ночуй тут, ха-ха-ха».

Мы вошли в зал. Здесь тебя никто не провожал к месту. Никаких признаков роскоши, почти пустая гостиная. Всех зрителей – десять человек. На стенах – тени. Пока я пробирался по проходу, кто-то успел ухватить меня за член. Я был словно слепой, не привык еще к тусклому освещению зала. Рамадан захохотал и притянул меня к себе.

Люди на экране будто только меня и ждали. Они сняли одежду. Сцены половых актов, шлепки по заднице, секс с тремя женщинами одновременно и непрекращающееся насилие.

На несколько минут включили свет, чтобы мы могли передохнуть. Кроме нас с Рамаданом никто фильм не смотрел. Действо на экране собравшихся мало волновало.

Один из них плавно приблизился ко мне и легонько щелкнул меня пальцем по члену. Я перепугался и толкнул Рамадана в бок. Он заорал на подошедшего и тот сконфужено ретировался. Рамадан снова захохотал.

Секс животных, лижущие друг друга собаки, женщина спаривается с ослом, ласки с обезьянами, возбуждение от зрелища спаривания льва и львицы.

Рамадан закричал: «Грязные извращенцы! Вы даже не представляете, как быстро вас зашвырнут в ад!».

Мой мочевого пузырь снова надулся, и я опять покраснел. В этот раз, оказавшись в туалете, я оставался на чеку на случай атаки. Три мужчины с подкрашенными глазами улыбались мне. На губах у них была помада. Мочился я с широко открытыми глазами.

Я вспомнил о судном дне. Может, происходящее – признак его приближения. Все они попадут в ад, а я с ними. Потому что я им помог, заплатив три сотни

драхм за вход. У меня заболела голова. Я вернулся на место и попросил Рамадана уйти.

У выхода из видеосалона мы вдохнули свежий воздух – моча и сперма.

Рамадан сказал: «Давай за мной».

Мы были на углу площади Синтагма. Затем мы свернули на улицу Пиреос¹⁰, знаменитую своими борделями.

У автомата со сладостями и газированной водой Рамадан остановился. Он осторожно обернулся ко мне и спросил: «Что пить будешь?». Из моего пересохшего горла донеслось: «Пепси».

Улица была пуста. Рамадан вынул отвертку и засунул ее под автомат. Раздался шум. Из автомата посыпались драхмы. Часть из них вывалилась прямо на землю.

В автомате были представлены несколько видов напитков и бисквитов, основными потребителями которых являлись торопившиеся по своим делам прохожие. Стоимость товаров варьировалась от пяти до десяти драхм. Однако если автомат проглатывал

¹⁰ Одна из наиболее протяженных улиц Афин.

слишком большую монету или такую, которую идентифицировать не мог, то он выплевывал ее обратно.

Рамадан пришел к автомату еще вчера ночью и как можно плотнее заклеил отверстие для возврата монет жвачкой. Таким образом, при первом же возврате драхмы стали скапливаться внутри аппарата. Все новые монетки отправлялись на возврат. Спешившие на работу греки выбирали напиток или бисквит и бросали в автомат монеты. Аппарат их с удовольствием глотал, но заказ отдавать отказывался. Несколько секунд недовольные клиенты пытались пинками и хлопками заставить машину работать. Но, опасаясь опоздать на работу, вскоре бросали эту затею и в раздражении уходили.

Рамадан установил ловушку. Когда его опытная рука потянулась под аппарат, чтобы снять жвачку, он словно пошарил по карманам всего рабочего люда. Вся застрявшая в автомате мелочь посыпала наружу.

Я испуганно наблюдал за ним, а он собирал рассыпанные по тротуару драхмы. Впрочем, он предупредил: «Я сделаю это только один раз. К этому автомату я вернусь не раньше, чем через два месяца. Грек, хозяин аппарата, платит налоги. Когда продажи падают, он страшно злиться и ругается последними словами».

У Кириакоса, на площади Омония, на украденные деньги я купил слоеный сэндвич с мясом и луком и бутылку пива.

5

Широкая площадь Омония служила местом пересечения маршрутов движения всего общественного транспорта: автобуса, трамвая, метро.

На углу площади располагалось большое кафе, копия кафе «аль-Хуррия» на улице Баб-эль-Лук в центре Каира. Огромные колонны с зеркалами, мраморные столы и деревянные стулья.

В тот день я зашел в кафе, чтобы, как и в Каире, насладиться зрелищем игры в шахматы. Я был хорошим игроком, а потому попросил разрешения подсесть за один из столиков и понаблюдать за игрой.

Рядом с нами сидел худощавый пожилой иранец. Ему было за пятьдесят, он носил усы. Одет он был в рубашку и клетчатый жилет. Он казался слегка высокомерным и не стеснялся делать замечания по ходу игры.

В кафе, за поглощением сэндвичей, я провел целый день. Все равно в тот день я не работал.

На закате в кафе зашел пожилой человек. Он снял пальто и повесил его на вешалку рядом с нами. Его появление привлекло всеобщее внимание.

Он сел играть за нашим столом и быстро со всеми расправился. Один из проигравших так разозлился, что немедленно покинул кафе.

Я предложил ему партию, и он согласился. Я проиграл и предложил ему поменяться цветами и сыграть еще раз. Он возразил: «Не получится. Я играю на деньги. Одна партия – сто драхм».

Усатый иранец зашептал мне на ухо: «Не играй с ним».

Но я согласился с условием и заказал чашку крепкого черного кофе.

До того я был расслаблен, а когда он сказал мне про деньги, сосредоточился.

Иранец вновь обратился ко мне по-арабски: «Этот подлец занял второе место на чемпионате Греции по шахматам. Так он ловит клиентов».

Мой соперник заволновался. Он указал на иранца, давая ему понять, что любые разговоры и советы запрещены. Мы начали играть.

Закончили мы ближе к полуночи. Я одержал две победы подряд, что чрезвычайно обрадовало иранца.

Уходя, мой оппонент выглядел совершенно раздавленным. Он протянул мне трясущуюся руку, в которой он сжимал вторую сотню драхм.

Он сказал: «Ты обманул меня, прикинувшись слабым игроком».

Он накинул пальто, схватил шляпу и удалился.

6

Иранец спросил меня, куда я направляюсь. Я ответил, что не знаю.

Он продолжил: «А чем ты занимаешься?». Я сказал, что учусь в университете, но хочу работать на заводе. Иранец предложил: «Почему бы тебе не поработать у меня?».

Саддуки был одним из руководителей иранской партии коммунистического толка *Туде*, а также занимал пост заместителя главы иранского радио. Он бежал от революции Хомейни, побывал в Германии, Турции, Англии и Кувейте. Затем он построил фабрику в Греции.

Мы сели в его Альфа Ромео, размером со спичечный коробок, и отправились в путь. Нашей первой остановкой была Спарта, от архитектурных памятников и стальных мышц великих воинов которой не осталось и следа. Единственное, что осталось на месте, – возвышавшаяся над бездонной пропастью гора. В древние времена жители Спарты тщательно обследовали новорожденного младенца. Они искали физические дефекты. Если таковые обнаруживали, то ребенка сбрасывали с вершины горы.

Мы поднялись на самую вершину горной цепи, к городку Триполис, и оказались на высоте в четыре тысячи метров над уровнем моря. Саддуки вел свою крохотулечку с большим умением, ловко вписываясь

в повороты на горном серпантине. На шоссе он с легкостью обгонял других водителей. В ту ночь, когда мы добрались до деревни, где он жил, шел снег. Он, словно одеялом, укутал крыши домов.

Саддуки жил один в доме, состоявшем всего из одного этажа. Он дал мне одеяло и сказал, что я могу спать на матрасе в одной из комнат. Чтобы затопить камин, он забросил в него последние дрова. На полу я заметил «Процесс» Кафки на немецком языке.

Я спросил его про работу и зарплату, а он только наградил меня удивленным взглядом.

Саддуки рассказал мне, что, будучи убежденным социалистом, он сразу после революции отправился в СССР, но там к нему отнеслись насторожено, на что имели полное право.

Утром я вышел в сад. На морозном воздухе перед домом стоял самолет.

За завтраком я спросил его: «У коммунистов бывают свои самолеты?».

Я просто пошутил, а он словно с цепи сорвался: «Ты не так понял! Просто я люблю самолеты. Но чтобы его купить, рабочих я не эксплуатировал! Я сделал его сам».

Только тут я обратил внимание, что вся гостиная завалена журналами клубов авиалюбителей.

«Я собрал самолет по частям, собственными руками. Ради этого я даже изучал самолетостроение в Германии».

Саддуки немного говорил на литературном арабском языке, так как провел пять лет в Кувейте. Он часто цитировал строки из аш-Шабби¹¹: «Если народ однажды захочет счастливой жизни, то провидение обязательно исполнит это желание».

Саддуки рассказал, что его убогонькая машина обгоняла остальные автомобили на трассе потому, что он ее усовершенствовал. Теперь она разгонялась до двухсот пятидесяти километров в час. Он утверждал, что мог бы увеличить скорость и до пятисот километров в час, но корпус автомобиля был слишком слаб и такой скорости не выдержал бы.

Первую неделю у Саддуки я не работал. Мы гуляли, пили вино, ходили на вечеринки, играли в шахматы и ухлестывали за девушками.

Саддуки регулярно материл афганцев: «Воюют с русскими. Вроде совершают омовение, а штаны их надулись от мочи и нечистот».

Я предложил отправиться на фабрику, чтобы поработать. Он вновь взглянул на меня с удивлением, словно увидел перед собой презренного буржуа.

11 Абу-ль-Касим аш-Шабби (1909–1934) – тунисский поэт. Один из первых представителей романтического направления в арабской литературе.

Фабрика была расположена на склоне горы. Холода стояли такие, что замерзала вода. Саддуки объяснил мне принцип работы. Полиэтилен, содержащийся в больших бутылках, проходил перегонку, а затем разливался по формам, из чего получались дорогостоящие предметы.

Взорвалась электрическая цепь. Саддуки еще раз заметил, что он не какой-то ничтожный буржуй и что когда он решил открыть фабрику, все механизмы и проводку он сделал своими руками.

Спустя два дня мы вернулись на фабрику, чтобы приступить к работе. У здания не хватало одной стены. Саддуки забыл закрыть одну из бутылей, когда объяснял мне природу сырого прозрачного полиэтилена. В тот день мы вышли и плотно закрыли за собой дверь. А полиэтилен распространился по всей фабрике. Не находя выхода, он в конце концов пробил стену и разнес основную часть фабрики. Саддуки выглядел озабоченным: теперь ему предстояло своими руками восстановить заново все разрушения.

Я забрал сумку и вернулся в Афины. Денег у меня почти совсем не осталось.

Тетушка Толя собрала экстренное совещание в саду, чтобы разъяснить нам всю сложность сложившегося положения. На повестке дня – персиковое и лимонное деревья, а еще цветы и кусты. Каждую неделю мы должны подстригать траву, собирать опавшие с деревьев листья и поливать растения.

Она спросила, как нас зовут и чем мы занимаемся. Узнав, что мы студенты, она радостно потеряла руки. Потом она спросила, где мы работаем. Долго же она смеялась над рассказом Мустафы об особенностях работы продуктового рынка. Не меньше ее насмешил Мухаммад Салах, завсегдатай мусорных контейнеров на целлюлозной фабрике.

Тетушка Толя жила на втором этаже в двух комнатах. Такие, как мы, занимали четыре комнаты на первом этаже. Дом принадлежала ее дочери. Жили они на получаемую ренту.

Тетушке Толе было семьдесят лет. Роста она была небольшого. Ловкостью в общении с окружающими она не уступала Умм Кульсум¹².

12 Умм Кульсум (1904–1975) – египетская певица и актриса. Одна из наиболее известных исполнительниц в арабском мире. На протяжении всей своей карьеры сохраняла всенародную популярность и пользовалась покровительством влиятельных фигур египетской политики.

Мустафу она полюбила сразу. С рынка он возвращался с мешком овощей и фруктов. Перед тем как зайти к себе, он поднимался к тетушке Толе и высыпал перед ней содержимое мешка, а она выбирала себе все, что хотела. Он разговаривал с ней на странной смеси арабского, английского и греческого языков. Когда он пересказывал ей произошедшие за день на рынке истории, она всегда все понимала и от души смеялась.

Мустафа работал в палатке и продавал фрукты оптом. На рынке он стал уважаемым человеком. Возвращаясь с работы, он проходил по другим палаткам, брал по два плода каждого овоща и фрукта и клал их в мешок. Домой он всегда приходил нагруженный трофеями.

В воскресенье тетушка Толя собрала нас в саду. Мы сидели около нее с рассеянным взглядом. Она спросила: «У вас нет девушек?».

Мы засмеялись, а Атеф пояснил ей: «Это запрещено».

Она с сомнением посмотрела на нас и спросила: «И никаких поцелуев и объятий?».

Окно одной прекрасной гречанки из соседнего дома выходило прямо на наш сад. Она была так хороша собой, что мы не мечтали увидеть ее даже в своих снах.

Тетушка Толя пригласила ее спуститься вниз. Та отвечала, что ей надо одеться и что сначала она спустит в корзине Таки. Какое-то странное создание с тяжелыми движениями, что-то среднее между мышью и кроликом, ослепительного золотого цвета, с белым оттенком. Мы положили его в центре сада на траву. Соля – ей было всего пятнадцать лет – одевала один предмет одежды за другим, поминутно подбегая к окну, чтобы крикнуть: «Таки!». Так она проверяла, все ли с ним в порядке. А у него, таким образом, создавалось ощущение, что она рядом.

Наконец она спустилась в сад. На ней были очень короткие шорты и майка, закрывавшая только грудь. Она улеглась на землю и принялась играть с Таки. Ее обольстительный живот и спина попеременно блестели на солнце, когда она переворачивалась.

Мы часто слышали доносившийся с балкона голос Соли. Она то и дело все с возрастающей нежностью звала Таки. Мы думали, что это ее любовник, потому что она временами злилась на него и ругала его за плохое поведение.

Когда Соля убежала домой, мимо сада прошла дочь Ибрагима, конюха. Она двигалась как типичная египтянка: сильно вихля бедрами. Тетушка Толя, пораженная красотой ее задницы, подняла брови и спросила: «А можете ли вы жениться на гречанке?».

Ей ответил шейх Иса, на протяжении долгого времени хранивший молчание: «Да, но при условии, что она девственница».

Тетушка Толя долго уясняла, что значит девственница, а как поняла, крепко призадумалась.

Я решил подурачиться: «У тебя случайно нет знакомой девственницы для меня?».

Она засмеялась: «Нет, забудь!».

Мы все стали к ней приставать, чтобы добиться от нее ответа.

Наконец она сдалась: «Есть девственница спереди, но далеко не девственница сзади».

Соля частенько заходила к нам. Тетушка Толя смеялась и подавала нам знаки. Она намекала, что у Соли соблазнительные формы. На Соле были белые полупрозрачные брюки из хлопка. Живот почти всегда оставался открытым, а на нем красовался благословленный создателем пупок. Нашему взору представала ее юная грудь.

Мустафа шепотом спросил у тетушки Толи, носит ли Соля белье. Тетушка Толя перевела Соле его вопрос, хотя смущенный Мустафа бешено протестовал.

Они какое-то время шептались и переговаривались. Затем Соля повернулась к нам и, смеясь, сказала: «Нет, я не ношу белья».

Мы все были смущены, но она продолжала: «Какая вообще польза в этом куске ткани? В определенные дни она, конечно, нужна. А в остальное время я белья не ношу, чтобы не натирало».

Я засмеялся: «Да у вас всего белья только тоненькая веревочка».

Она спросила: «А в Египте по-другому?».

Я отвечал: «Уууу, даже и не представляешь».

Я принялся объяснять ей особенности наших знаменитых трусов *абудикка*, которыми можно накрыть целую улицу. Я открыл ей тайну их огромной веревки, а также несколько других секретов этих трусов, рассказал об их пользе для здоровья, упомянул, что даже сами могут плавать. Весь мой рассказ сопровождался раскатистым смехом тетушки Толи. Соля моим словам не поверила вовсе.

Работая в овощной лавке, я стал гонять на мотоцикле и развозить заказы.

В день, когда я пришел устраиваться, хозяин лавки повздорил с курьером-греком и уволил его.

Лавка эта была необычная. В ней по высоким ценам продавались элитные овощи и фрукты.

Ресторан, где утром я выгрузил заказанные фрукты и овощи, пока работники занимались уборкой, меня поразил. Как мне сказали, это был самый фешенебельный ресторан Афин. Он располагался на седьмом этаже. Посередине зала стояла огромная пальма украшенная связками лука и чеснока.

Доставка привела меня в другое здание. Я зашел в лифт и нажал кнопку. На нужном мне этаже двери прекрасного деревянного лифта открывались в виде морской раковины розового цвета. Я был совершенно поражен. Передо мной было две квартиры. В одну из них я позвонил. У другой стоял охранник-грек в парадной форме военных: клетчатая юбка выше колена, белые чулки, туфли в форме лодочки, ярко-красная шапка и меч.

Я занес овощи и фрукты на кухню и спросил хозяйку шепотом: «Кто живет в соседней квартире?».

Она, выражая отсутствие интереса, поджала губы: «Караманлис».

Президент Греции.

Я вернулся в лавку. Еще издали я заметил столпотворение. Знакомая рука подала знак не приближаться.

Меня искала туристическая полиция. Уволенный курьер-грек сообщил ей обо мне.

Я убрался подальше и пришел в лавку только через два дня за расчетом.

На молочной фабрике все было по-другому. Работали там тридцатилетние женщины. Они ко мне постоянно приставали. Зарплата была маленькая, да и сама работа больше подходила для женщин. Запах на заводе стоял невыносимый. Все это я рассказал Соле. Долго я на молочной фабрике не продержался.

8

Из окна автобуса я наблюдал за демонстрацией. На улицы вышли десятки тысяч студентов.

Я только что заполучил работу на фабрике по производству изделий из пластика. Из-за оконного стекла я изучал лозунги на плакатах. Демонстрация проводилась в поддержку нескольких десятков студентов университета Асьюта, оказавшихся в египетских тюрьмах.

КПГ... Коммунистическая партия греции. Коммунисты, как всегда, громче всех. Они возглавляют ряды демонстрантов. Впрочем, особой популярности в народе им это не приносит.

Автобус несется по улицам, зажатый стеклянными витринами магазинов. В нем почти никого нет. Только я да две старушки. Они о чем-то оживленно болтают. На остановке в автобус зашли две девушки. Их мини-юбки настолько короткие, что кажется, будто их нет вообще. Футболки завязаны на животе узлом. Вырез открывает грудь. Автобус качнуло. Одна из девушек подалась вперед, так что ее грудь едва не вывалилась. Вторая чуть не упала и вскрикнула. Вырвавшийся звук напомнил стон, издаваемый во время постельных игр. Подруга подхватила ее, не давая упасть, и получила в награду поцелуй в губы. Одна старушка перекрестилась, обернулась к подруге и скривила губы.

Девушка заметила реакцию пожилой пассажирки и что-то сказала подруге на ухо. Они направились к старушкам. Монолог девушки в переводе не нуждался. Как я понял, они пристыдили старушку и ее подругу, сказали, что между ног у нее – кусок дерева, а грудь ее обвисла и сморщилась. Добавив, что она ходит к священнику, который мастурбирует и учит их креститься потому, что он сам на большее не способен. Да и вообще, кроме него ей в жизни уже ничего не светит.

Водитель в происходящее не вмешивался. Нападение было столь яростным, что он по ошибке нажал кнопку следующей остановки, и старушки выскочили из автобуса.

Магди работал в столярной мастерской на механической пиле. Он бодро засовывал внутрь деревянный брус, а машина разделяла его на части. Однажды он отвлекся, заигрывая с одной из работниц, и лишился трех пальцев. С нами он прожил всего три месяца. Владелец мастерской согласился выдать ему щедрую компенсацию, чтобы не пришлось решать все в рамках закона и обращаться в полицию. Магди вернулся в Египет.

На фабрике по производству пластиковых изделий я работал на немецком станке. Прошло уже немало времени, с тех пор как я получил эту работу.

В вечернюю смену на работе был только я и пара пакистанцев. Фактически, я был старшим смены.

Спустя два часа пришел Нико и с улыбкой спросил: «Как дела?».

Я ответил: «Все хорошо».

Машина работала автоматически, выдавая на выходе изделия из пластика. Я приноровился управлять ею, так что она не останавливалась и не требовала работы вручную.

Жизнерадостный Нико схватил метлу и начал убирать вокруг меня. Я сказал ему, что так не пойдет: ведь это входит в мои обязанности.

Он улыбнулся: «Да ладно. Я просто хочу себя чем-нибудь занять».

Нико воевал во Вторую мировую и вернулся домой в чине сержанта. Он был одним из трех совладельцев фабрики. У него было три роскошные машины, но на работу он ездил на какой-то развалюхе. Однажды большой грузовик врезался в его машину и вынес дверь. В тот день Нико остался на работе допоздна. Еще не рассвело, как он позвал меня и спросил: «Ну как?». За ночь он успел вставить новую дверь.

Нико пригласил меня к себе в загородный дом. Ему было за пятьдесят. Среди оливковых деревьев, инжира и винограда я провел прекрасный день с

двумя его маленькими дочерьми и женой. Девочкам было не больше десяти. Женился Нико поздно, а потому беспокоился об их будущем и много работал.

Поздним вечером я сел на метро, чтобы добраться до автобуса, который довезет меня до фабрики. Со мной был Хассан. До начала работы у нас было еще порядочно времени, и я предложил ему отправиться проинспектировать публичные дома. Он ответил: «Ты не знаешь Господа нашего».

В один из публичных домов я и заглянул. Навстречу мне вышла пожилая женщина и сказала, что у нее есть молодая, но очень красивая девушка и что я могу поцеловать ее грудь, но не более. Я согласился. Передо мной предстала совершенно голая прелестница. Она была очень красива. Я обнял ее и поцеловал. Ощупывая ее спину и упругую задницу, я сказал, что тороплюсь на работу, но после принесу с собой много денег. Она засмеялась, и я вышел.

Хассан стоял на месте, как пригвожденный. Он сказал, что никуда не пойдет, прежде чем потрогает ее за грудь и пощупает ее задницу, как и я.

Я предупредил его, что они вызовут полицию. Насилу оттащил я его от публичного дома. С тех пор Хассан стал часто пропадать и гулять в одиночестве.

Когда я только начал работать на фабрике, я полагал, что в Греции владелец может позволить себе оскорблять рабочих. Но все оказалось ровно наоборот. В утреннюю смену три грека из рабочих поругались с хозяевами и принялись их поносить бранными словами. Хозяева же стояли молча до тех пор, пока рабочие не успокоились.

Рабочие демонстрации собирали толпы. Протестующие требовали повышения зарплат, и правительство заявляло, что часть их требований будет удовлетворена. Как-то Мицу позвал меня к себе. На его лице не читалось ни злости, ни радости. Он сказал, что правительство постановило несколько поднять средний уровень зарплаты, а потому моя зарплата составит... Тут он достал калькулятор и подсчитал, сколько я теперь стану получать. Затем он пожал мне руку и поблагодарил.

Мицу был вторым совладельцем фабрики. Это был культурный до чрезвычайности человек. Я его очень любил. Мицу был привлекательной наружности, с лицом цвета пшеницы. Он был социалистом и лучше остальных совладельцев разбирался в особенностях станков, использовавшихся для производства изделий из пластика.

Мицу был крайне воспитанным. А еще он посоветовал мне пить молоко и хорошо питаться.

Толстяк Андреас, третий совладелец, как-то раз пристал ко мне с требованием помочь ему перетащить мешки с готовой продукцией, вместо того чтобы спокойно стоять у станка. Мицу меня буквально спас. Он решительно вмешался: «Оставь его, пусть работает». И помог ему с мешками.

Андреас, испугавшись за свою жизнь, бежал из ЮАР, прихватив с собой все деньги. Внешним видом он мне напоминал пирата. Он придерживался правых взглядов и слыл христианином-экстремистом. Крестился он по поводу и без. Тем не менее, он питал искреннее уважение к Мицу и побаивался Нико.

Я привык добираться до работы бегом, чтобы не опаздывать. Особенно после того как меня перевели в ночную смену. На работу я приходил к семи вечера, когда большая часть рабочих расходилась по домам. Ночью со мной работал только один напарник, приезжавший к часу ночи. Закончившие смену рабочие жали мне руку и отправлялись домой. А я уходил домой в семь утра.

Стоя у громадного станка, я практически ничего не делал до самого утра. Сырье загружалось в машину, а из формы выходили различные изделия: игрушки, запчасти для автомобилей, дорогие расчески.

Латунным стержнем я прочищал станок, если пластик забивался в щели, и работа вставала. В целом, я приучил станок работать в ручном режиме при первой

и второй партиях пластика. На третьей он переходил в автоматический режим. Машина разгонялась до предела. Из нее сыпались готовые изделия, которые я складывал в мешок, предварительно обрезая неровные края. Затем я перекладывал их в другой мешок. Когда мешок наполнялся, я оттаскивал его к стене. Перед тем как убрать его, я ставил у станка пустой мешок.

Утром я сиял от гордости в окружении мешков, наполненных товарами. В семь часов в здание фабрики вползали рабочие, и я, довольный, с ними прощался.

В середине смены я доставал ужин и ставил контейнер с овощами и мясом на нагревавшуюся деталь станка. Спустя тридцать минут еда практически закипала, и я усаживался ужинать. Иногда ночью на фабрику приходил Мицу. Он всегда убеждал меня прерваться на полчаса и поесть. На это время он с радостью занимал мое место. Я ел молча, чтобы не отвлекать его.

Когда Мицу дежурил в ночную смену, он настаивал на том, чтобы довезти меня до ближайшей станции метро и спасти, тем самым, от холодного ветра и дождя.

Афинское метро – старинное. Многие станции сделаны из дерева. Поезда стремительно несутся сквозь город. В час-пик тысячи рабочих стекаются к его вагонам. Ранним утром только и слышны крики

продавщицы роз или продавщицы выпечки: «Фрэско» (Свежий). А еще спешащие к месту работы шаги.

В метро запрещено курить. Однажды мы с Габером возвращались с вечеринки. Он зажег сигарету в вагоне. Один из пассажиров подошел к нему, вынул у него изо рта сигарету и выбросил ее в окно.

А вот поздно вечером вагоны метро почти пустые. В мой вагон зашли молодой парень и девушка. Он запел и стал себе подыгрывать. Он пел о том, как любит эту девушку и что у него ничего нет, кроме его большого сердца и этой девушки. И что, тем не менее, они все равно поют песни и любят друг друга. Девушка была еще совсем юна. Она стыдливо пробиралась между рядами кресел. В руках у нее была тарелка. Протянуть руку ей было очень тяжело. Я вынул все оставшиеся монеты из кармана и положил на тарелку.

Поцелуи в метро – обычный элемент жизни в городе, жители которого – любящие жизнь бедняки. У каждого времени в метро – свой вкус. С шести и до восьми утра – толкучка и рабочие. С девяти до двенадцати – бабушки и мамы с детьми. С пяти до двенадцати ночи – влюбленных и те, кто возвращается с гулянок.

В метро нет контролеров, и на выходе никого не проверяют. Впрочем, иногда в вагон заходит контролер и спрашивает у пассажиров билеты.

В автобусах все несколько иначе. Впереди – водитель, а сзади – автомат с билетами. В него опускают десять драхм и получают билет. Порой кто-нибудь заходит в автобус и забывает купить билет. Тогда остальные пассажиры, не произнося ни слова, начинают сверлить его взглядом, да так, что он ощущает дискомфорт.

Мухаммад Салах уже давно принял решение вернуться в Египет. Как-то раз, поздним вечером мы сели в пустой автобус. Он с еще двумя отбывающими плюхнулся на сидения в самом конце. Они втроем запели: «Мы египтяне... Хотим увидеть мы Аббаса... Где же твоя мать, Аббас?». Они смеялись в глаза своему страху, который преследовал их последние три месяца. Страху быть схваченными и высланными из страны.

Аббасом называли туристическую полицию. Она занималась высылкой тех, у кого не было вида на жительство. Заприметив на улице машины пепельного цвета, принадлежавшие туристической полиции, каждый из нас испытывал настоящий ужас.

Пение хора в пустом автобусе становилось все громче. Мы ехали по старому городу Афин. Направлялись мы на рынок, чтобы купить все необходимое для путешествия.

Водитель сказал в микрофон по-арабски: «Ребята, пожалуйста. Так же нельзя».

Мы смутились и вышли на следующей остановке.

С самых первых дней в Калифее Мухаммад Салах привык ходить за сигаретами на угол улицы. Пара глаз внимательно смотрела на него из киоска. Он протягивал деньги. Со временем у него появилась привычка приговаривать: «Что за ужасная страна проституток и женоподобных мужчин?». Закончить свою тираду он, как правило, не успевал, так как продавец протягивал ему пачку сигарет и добавлял: «*Эфхаристо пара поли*» (Большое вам спасибо). Забрав сигареты, Мухаммад Салах отправлялся на завод по переработке бумаги.

В воскресенье мы собрались на пляж Вула. Мы стали на углу улицы и принялись спрашивать у прохожих о зеленом автобусе, который отвез бы нас в предместья Афин.

Многих мы успели остановить и расспросить о Вуле и об автобусе *прашно* (зеленый).

Вдруг из киоска высунулась голова продавца, и он по-египетски сказал: «Друг, что ты как потерянный?! Иди направо, на третьем перекрестке будет остановка *прашно*».

Однажды вечером я ехал в полупустом автобусе. Одна пожилая пассажирка встала и пересела ко мне. Я подвинулся и поздоровался.

Она улыбнулась мне и спросила по-арабски: «Египтянин?».

Я удивился: «Да, египтянин».

Казалось, она сейчас расплачется: «Просто я тоже египтянка».

На ней было белое платье из тонкой материи с узором в виде небольших розочек. Она достала из сумочки кошелек. В нем оказалась ее фотография, сделанная в Египте, когда она была еще ребенком. Я улыбнулся и спросил: «Вы до сих пор помните Египет?».

Она ответила: «Я наполовину египтянка, наполовину гречанка. Из Исмаилии¹³. Я вернулась в Грецию, но египтянкой я от этого быть не перестала. Здесь меня никто не любит. А там я была счастлива. Люди там гораздо лучше».

Я спросил: «А почему же вы не вернулись?».

Она вздохнула: «Слишком поздно. Боюсь, что там меня уже никто не вспомнит. Да и соседи мои уже все умерли».

Я предложил: «Съездите хотя бы как турист».

13 Город на берегу Суэцкого канала.

Она в раздражении возразила: «Как турист? Я же египтянка. Кто же едет в родную страну как турист? Нет, я хочу посидеть с друзьями на солнце, поговорить, как раньше, съесть басбусу¹⁴. Как хороша басбуса из топленого молока. А дыни Исмаилии, а манго...».

От воспоминаний ее лицо засияло. Она сказала: «Знаешь что. Та вонючка посреди улицы. Как же ее я люблю. И ее отвратительный запах люблю».

Четверть часа она описывала мне эту «вонючку», пока до меня не дошло, что речь идет о торговце мясом: легкие, селезенка, коровьи кишки.

14 Арабская сладость. Представляет собой рассыпчатый пирог с сиропом.

На автобусе *прашно* мы – я, Салах и шейх Иса – добрались до Вулы.

Шейх Иса был чудотворцем. Он стал нашим соседом, когда, готовясь к скорому отъезду Салаха, мы переехали из Калифеи к тетушке Толе. Шейх Иса учился в аль-Азхаре¹⁵, а потому настоял, что нужно определить киблу¹⁶ и нарисовать на стене мехраб¹⁷ в нужном направлении. Он никогда не садился на унитаз, но поднимал стульчак и с ногами забирался наверх, словно это был туалет где-нибудь в сельской местности. Дело в том, что на сон считал нас нечистыми.

Некоторые пророчества шейха Исы сбывались. Именно он предложил нам отправиться на поиски работы в один из промышленных районов города, и трое из нас сразу нашли себе место. Вернувшись, мы поблагодарили его: «Будь благословлен, шейх Иса».

Чтобы как-то ему отплатить, мы позвали его на улицу Сангро смотреть на трансвеститов и позабавиться заигрываниями с ними. Но он ответил решительным отказом. Тогда мы позвали его в кино. А он ответил, что там будут сцены половых актов. Мы заверили его,

15 Один из наиболее престижных духовных университетов в арабском мире. Находится в Каире.

16 В исламе – точно установленное направление в сторону священной Мекки. В этом направлении осуществляется молитва.

17 Специальная ниша в мечети, указывающая направление на Мекку.

что пойдём смотреть не порно. Но он сказал, что даже если и так, то там все равно будут сцены с обнаженкой. В этом он был прав.

Когда мы предложили шейху Исе поехать на пляж Вула, он, к всеобщему удивлению, согласился. Принимая предложение, он добавил: «Учите ваших детей плавать и стрелять из лука и велите им, чтобы они вскакивали на лошадь одним прыжком¹⁸».

Кабинки для переодевания на пляже Вула – совместные. Салах зашел переодеться, как вдруг услышал приглушенные стоны. Он отложил плавки в сторону. Стоны становились все громче и размерней. Он залез на предназначенную для переодевающихся лавку. Потолка в кабинках не было. В соседней кабинке он увидел ее. Она только вышла из моря и, растянувшись на скамейке, ела мороженое. Ее ноги были раздвинуты, а между ними виднелась голова. Она увидела Салаха, но, улыбнувшись, без тени смущения продолжила стонать. Она лишь приложила палец к губам, предупреждая его не шуметь. Салах слез со скамейки.

Достигнув пленительного песка, местами усталого цветами и зеленой травой, мы с Салахом расстелили полотенца среди девушек. Некоторые из них играли в мяч, а другие дремали.

18 Слова наказа родителям, данного халифом Умаром ибн аль-Хаттабом.

Шейх Иса в красных плавках выглядел весьма привлекательно. Он явно стремился поскорее оказаться в воде. Девушки вокруг нас, едва оказавшись на пляже, сразу снимали с себя верхнюю часть купальников, чтобы загорела и грудь. Некоторые из них натирали грудь маслом. Были и те, кто лежал на животе, наслаждаясь дуновениями ветерка, звуками моря и нежностью солнечных лучей.

Но любоваться женскими телами нам пришлось недолго. Из моря донеслись крики. Сначала мы не обратили на них особого внимания. Но крики становились все сильнее.

Салах всмотрелся вдаль и воскликнул: «Черт поberi! Иса!».

Шейх Иса ревел, как бык-осеменитель в процессе спаривания, и бросался на всех попадавшихся ему девушек, а они разбегались от него во все стороны. Некоторые заплыли от него как можно дальше, но он, плывя по-собачьи, принялся их преследовать.

Я подплыл к шейху Исе и попытался его остановить. Но он все продолжал повторять в возбуждении: «Клянусь Аллахом, нам нужно оседлать пальму».

Только когда в дело вмешался Салах, нам удалось вернуть его домой. Более он не призывал нас молиться усерднее.

«Просыпайся, уродец!», – Мухаммад Салах толкнул меня в бок. Спасаясь от холода, я укрылся тремя одеялами.

«Вылазь из-под покрывала!».

«Блин, ну что тебе надо, Салах?».

«Кто твой самый лучший друг? Кто прекрасный венец на твоей голове?».

«Конечно ты!».

Он шлепнул меня по лицу: «Ну а что ты думаешь об этой пощечине?».

Я ответил: «Суууупер!».

У Салаха появилось хобби – будить меня рано утром. Из производственной необходимости меня перевели в утреннюю смену, и я отправлялся на фабрику в семь часов утра. Салах же уходил на работу в пять, то есть, за два часа до меня. Свое раннее пробуждение он использовал, чтобы надавать мне пощечин и насладиться признаниями, что он самый сильный мужчина в доме.

Это был его способ отмстить. Все дело в том, что два дня назад он вернулся домой ночью, а я с порога заявил ему: «Оставь меня. Я так устал от этой мерзкой страны. Самира, Авиду и Аделя арестовали и выслали из страны, конфисковав все, что у них было».

Мои слова как нельзя лучше соотносились с его отношением к Греции. К тому же, через несколько недель он возвращался домой. В тот вечер он все повторял: «Сукины дети, сукины дети». Затем он вышел из комнаты, и я, довольный собой, заснул.

Самир, Авида и Адель к тому моменту прожили в Греции два года. Именно им принадлежала заслуга в обеспечении жильем и работой большей части перебравшихся в Афины египтян. За окном шел сильный дождь. Капли падали под углом. Порой они не достигали земли, а поднимались в небо в виде замороженных сгустков, подобных хлопьям.

Салах надел теплое пальто, сверху второе и дождевик, взял зонтик. Он отправился предупредить египетскую диаспору о спонтанных рейдах полиции по домам. Первым его пунктом стал дом Мухаммада Атыйи. Салах остановился под окнами и позвал. Мухаммад Атыйя выглянул на крик, и как только узнал, в чем дело, сразу же вышел из дома в сопровождении еще четверых друзей. Они направились к дому Бакра и позвонили в дверь. Салах описал ему масштаб катастрофы, и тот поторопился присоединиться к собравшимся. Всего пять домов, и вокруг Салаха собралось двадцать человек. Все они поспешили к дому Шауки. Последний, как, собственно, и мы, жил на первом этаже с тремя другими египтянами. Салах толкнул дверь сада. В доме горел свет. Собравшиеся позвонили в дверь и двинулись внутрь. У Шауки были гости: Самир, Авида и Адель. Они спокойно пили чай.

В триумфальном шествии Мухаммада Салаха участие приняли практически все египтяне Афин. Вот за это Салах мне и мстил каждое утро пощечинами.

Превращавшийся на поле в разъяренного быка, Салах, полуцентральной нашей гандбольной команды, всегда спрашивал у меня разрешения в первой атаке не забивать. Он прорывался в 6-метровую зону от крайней линии. Вратарь бросался вперед, прикрывая ворота телом, а Салах подпрыгивал на полметра вверх и, словно из пушки, заряжал мячом прямо в лицо вратарю, впадавшему в ступор от броска такой силы. Вся оставшуюся игру Салах уже мог атаковать с фланга как обычно: трясущийся от страха вратарь открывал брошенному Салахом мячу прямую дорогу в сетку ворот, заботясь лишь о том, чтобы мяч снова не угодил ему в лицо.

Салах смеялся: «Ах ты ж сукин сын! Со мной и вот так?!».

Я удивился: «Как? Ты мне как брат. Настоящий пример для подражания».

Он взял меня за воротник и закричал: «Ты еще будешь делать вид, что ничего не понял?!».

Я засмеялся: «Учти, что за такое поведение – две минуты штрафа. Я плеймейкер и капитан команды, приятель».

Салах отпустил меня и уселся рядом на кровати,

захлебываясь от смеха. Он сказал: «Надо признать, шутка – отличная, сукин сын!».

Вот уже месяц Салах мне мстил и будил меня в самые прекрасные часы сна. Он просыпался в четыре утра, чтобы успеть позавтракать, принять душ и наполнить контейнер обедом. Потом он надевал пальто и выходил на улицу, погруженную в кромешную тьму. Во время утренних приготовлений он, словно маршрутный автобус, курсировал из комнаты в кухню, всякий раз сбивая меня на пути следования. Он с наслаждением отвешивал мне пощечины и не давал мне поспать еще хоть немного. Не меньше его радовали признания в том, что он мой господин и что лучший из моих родственников отдал бы все, чтобы служить ему.

Чтобы выспаться, Салах отправлялся в кровать на два часа раньше нас. Но и просыпался он раньше. Перед тем как отправиться ко сну, он ужинал и заводил будильник на четыре утра.

Мы сидели в гостиной и играли в карты. Салах ушел спать полчаса назад. Я взял его будильник и перевел, чтобы через четверть часа он прозвонил четыре утра. Мы выключили свет и залезли под одеяла.

Будильник зазвенел. Из-под теплых одеял поднимался пробуждающийся бык. Вылезая из кровати, он провозгласил: «Господи всемогущий, дай мне сил».

Салах склонился надо мной и ударил меня: «Птенчик, вставай. Пора просыпаться, сукин сын». Он направился в кухню и поставил перед собой огромную тарелку фуля, еще одну с измельченными яйцами и луком и вмиг все это умял.

Затем он отправился в ванную и ходил по большому. Вернувшись, он крикнул мне: «Эй, придурок, ты в Грецию зачем вообще приехал? Чтобы за девушками бегать? Дубина неотесанный».

Он еще раз дал мне пощечину и спросил: «Или ты отесанный?»

Я запротестовал из-под одеял: «Салаааах!».

Он повторил с вызовом: «Отесанный?».

Я ответил: «Конечно, нет».

Тогда он сказал: «Теперь ты притворяешься благовоспитанным. Ну ладно».

Он вышел из комнаты, выпил чай, а затем кофе.

Несколько минут он провел, переводя дух. Следом он надел пальто и дождевик и хлопнул дверью.

Было около девяти часов вечера, когда он вышел из дому. Как правило, он выходил еще до рассвета, и на улице кроме него никого не было. Но в тот день, улицы Афин были как-то необычно многолюдны.

На углу он увидел толпившихся перед кафе жителей и тех, кто собрался поиграть в домино.

Он обернулся и заметил нас. Мы, ожидая его возвращения, стояли перед домом. До самого утра мы смеялись над тем, как он выполнил все гигиенические процедуры и как усердно поглощал фуль и яйца, хотя желудок его за десять минут сна еще ничего не переварил.

Однажды вечером Салах вернулся домой весь в пыли и повалился на стул. Я усмехнулся: «О великий Абу Салах¹⁹, где твоя слава, где твои великие деяния?». Он насторожено огляделся, потрясая своей тяжелой головой. Он опасался новой шутки. Убедившись, что все хорошо, он сказал: «Слушай, я уеду домой».

Салах работал на фабрике, производившей бумагу. На самом деле, на фабрике перерабатывали мусор. Ему не было в тягость таскать на спине тяжеленные мешки. Дело было в другом. Он чувствовал себя медведем, которому не дают покоя блохи: он не мог вынести пыль, летевшую на него из мешков с бумагой.

19 В переводе с арабского – отец Салаха. Характерное обращение к человеку, целью которого является продемонстрировать уважение говорящего к собеседнику.

Спустя три месяца после этого разговора Салах уехал из Греции. Нас осталось пятеро: я, шейх Иса, Хассан, Атеф и Габер. Габер был страшно худым молодым человеком, высокого роста. Мне он напоминал стебель сахарного тростника, сбежавший с поля. Как-то мы в шутку налетели на него всей толпой. Я схватил его руки и закричал: «Почему ты прячешь руки? Чего ты боишься?».

Габер вынул из-под одеяла вторую руку и засмеялся: «Ха-ха-ха».

Всем стало понятно, что я схватился за что-то другое.

После того случая застенчивый и скромный Габер стал для нас настоящей иконой. Такое ощущение, что из-за него в нашем доме разразилась эпидемия эрекции. Когда он мылся, мы забирались в ванну, а он кричал и выгонял нас. Мы бились об заклад, что сможем продать его выдающиеся способности за миллионы драхм.

По обеим сторонам улицы Сангро расположились трансвеститы и транссексуалы. Упругие груди и задницы, открытые животы. Некоторые спали в машинах с включенным светом, чтобы продемонстрировать прохожим свои прелести. По улице шел священник в черной рясе. Габер засмотрелся по сторонам и влетел в священника. А тот словно лишился рассудка.

Он кинулся преследовать Габера. Стебель тростника обливался потом. Он искал нас, но мы спрятались, чтобы понаблюдать за Габером, который, прыгая с одного бордюра на другой, неся по улице, улепетывая от преследователя в рясе.

После того как Габер спасся, мы подошли к самому красивому из всех представителей третьего пола на улице Сангро. Он стоял на тротуаре, прислонившись к стене, и жевал жвачку. На нем была мини-юбка – сантиметров двадцать, не больше, – а под ней видневшиеся при любом его движении трусы черного цвета. Грудь его безумно прыгала, так как на нем не было бюстгальтера. Его белый живот поднимался, как тесто в печи. Он был красивее всех девушек мира и, уж точно, гораздо более соблазнительным.

Мы спросили: «Что у тебя?».

Он осмотрелся по сторонам, словно собирался сообщить тайну: «Спереди ничего не будет».

Я протянул руку, чтобы ощупать товар: «Какая красота!». Он смущенно отстранился.

Тогда я поинтересовался у него: «Если спереди ничего не будет, то что же нам с тобой делать?».

Он ответил: «Можно сзади. Или оральный. Только в машине. Оральный секс – двести драхм, анальный – триста».

Я возразил: «Это слишком дорого. Мы бедные студенты и хотим скидку».

Он нерешительно запротестовал: «Нет... я же очень красивый».

Тут вмешался Атеф: «Мы согласны. Этот парень хочет сзади», – и указал на Габера.

Транссексуал взглянул на Габера и испуганно попятился назад: «Ну, нет! С этим?».

Я сказал: «Да, с ним. А в чем собственно проблема?».

Он возразил: «Нет. С этим только за тысячу».

Мы попытались убедить его, что член Габера – не больше фаланги пальца. Но он был полон решимости: «Тысяча».

В конце концов, после продолжительных споров он выдвинул условие: «Если вы говорите правду, то я хочу для начала сам во всем убедиться».

Домой мы шли, распевая кричалки в честь великого Габера.

Однажды вечером Мустафа не появился дома в привычное время. Мы все страшно испугались за него. Тетушка Толя даже надела свое единственное платье и отправилась на улицу, чтобы разузнать о нем хоть что-нибудь. Вернулся Мустафа весь в пыли и с мешком фруктов. Тетушка Толя крепко его обняла.

Соля частенько проводила время в нашем саду. Как-то, в воскресенье, часов в пять вечера мы включили радио и стали с ней танцевать под песню Фарида аль-Атраша²⁰ «Над веткой лимонного дерева». Вскоре она наловчилась трясти задницей, как египетские танцовщицы. Вдруг в дверь нашего сада ворвался здоровенный бугай. Он на мгновение замер, а затем с громкими криками пустился плясать сиртаки перед Солей. Тетушка Толя смеялась и хлопала ему.

Это был наш сосед Юрго, пожилой рыбак. Танцы, чашка чая – и он стал нашим другом.

От тетушки Толи мы узнали, что Юрго очень болен. В следующее воскресенье мы взяли букет роз и, с тетушкой толей во главе, отправились к нему в гости. Юрго оказался вождем целого племени: нас встретили его дочери и внуки – не менее полутра десятков в большинстве своем красивых юных девушек. Кто-то из нас пошутил, что Юрго просто прикидывается

20 Фарид аль-Атраш (1910–1974) – египетский композитор и певец сирийского происхождения.

больным, чтобы жить окруженным такой красотой. Юрго засмеялся.

Он рассказал нам, что у него есть лодка, на которой он ходит в море ловить рыбу. Юрго развлекал собравшихся историями о пережитых им морских приключениях. Во все время рассказа глаза его внучек светились, а вот дочери все пытались отговорить его повторять то, что они, очевидно, слышали уже много раз.

Одна из дочерей Юрго спросила: «Чем вы занимаетесь в Египте?».

Мы ответили: «Учимся в университете».

Они переглянулись, восхищенные нашим ответом. Старшая дочь продолжила: «Мусульмане?».

Мы ответили утвердительно.

Другая добавила: «Мусульмане... Рамадан?».

Мы снова подтвердили предположение.

Тогда она спросила: «Совсем ничего не едите?».

Мы ответили, что не едим. Тут она задал главный свой вопрос: «И не...?».

Она произнесла такое слово, что мы переглянулись, желая убедиться, что нам не послышалось.

Она повторила вопрос, и мы обратились за помощью к Юрго, который следил за нашим

разговором с кровати и посмеивался. Он вынул руку из-под одеяла и показал жест, обозначающий мужской половой орган: «И не...?».

Мы разом выдохнули: «Нет».

Мы все чуть не надорвали животы со смеху.

Четверть часа мы объясняли Юрго, его дочерям и внукам, что в рамадан мы не едим и не занимаемся сексом только до захода солнца. А ночью делаем все, что захотим.

Юрго спросил нас про обрезание. Он сказал, что видел одного африканца, когда тот мочился. У него не было крайней плоти, и его член показался ему самым настоящим огурцом.

Вскоре Юрго умер. Мы потеряли хорошего соседа. На поминках мы выпили коньяку и закусили невероятно вкусной харисой²¹. Причитаний и плача на поминках не было.

Жители Цизефеаса были очень дружны между собой. Их можно было скорее отнести к беднякам, но зато каждый из них с искренней радостью приветствовал другого. Тетушка Толя каждое утро желала своим соседям хорошего дня прямо из своего окна. Единственный раз жители района заговорили чуть громче, чем обычно, будто о чем-то споря. В

21 Восточная сладость, приготовляемая из муки, масла и сахара.

тот день тетушка Толя в своем единственном синем платье, с поддельной алмазной брошью вышла на улицу. Ее появление сопровождалось нашим задорным свистом. Она сказала, что идет голосовать за Папандреу²². Площади Омония и Синтагма были переполнены спорившими друг с другом жителями столицы. Весь греческий народ вышел из домов на улицу. Они представляли разные партии и движения и собрались, чтобы поспорить с оппонентами.

Итоги объявили вечером, и люди стали расходиться с площадей. Возвращаясь домой, тетушка Толя, точно певчая птичка, о чем-то оживленно щебетала со своими подругами.

²² Андреас Папандреу (1919–1996) – греческий политический деятель, премьер-министр страны (1981–1989) и (1993–1996).

13

У дома Урании древо любви и красоты наполняло воздух запахом жасмина.

Я встретил ее на холме Плака, по которому поднимаются к Акрополю²³, где древние греки написали: «Познай самого себя».

В ресторан я пришел в поисках дополнительной работы. «Фалахос» (в переводе с греческого – крестьяне) располагался перед самым ее домом.

Вечером меня, в соответствии с указаниями официанта из Египта, по имени Самуил, назначили мыть посуду.

Я легко справился с этой работой и встал передохнуть у входа в ресторан. В тот день я впервые увидел ее. Она разговаривала с Элен.

Семнадцатилетняя красавица. Настоящий ангел. А этот запах жасмина. Глаза ее – в них половина красоты всего мира. А вторая половина – это ее греческий нос, тонкие губы, черные, как смоль, волосы, всегда распущенные, и румяные от смущения щеки.

Элен подошла ко мне и спросила: «Как дела?».

Я удивился: «Ты говоришь по-арабски?».

23 Одна из главных достопримечательностей Афин. Античная крепость и храмовый комплекс на вершине горы.

Она ответила: «Немного».

Урания уже отошла от ресторана и стояла на пороге своего дома.

Элен сказала: «Красивая. Хочешь с ней познакомиться?».

Я только приступил к работе в ресторане, а потому постеснялся и отказался: «Нет, не сейчас».

Элен я дал кусочек шоколада, и мы сразу стали друзьями. С тех пор я каждый день приносил ей цветочек.

Элен – голландка. Она говорит по-арабски, по-немецки, по-голландски, по-английски, по-французски и даже немного на иврите.

Она сказала, что выучила несколько фраз на языке племени сынов Израиля, когда была в Тель-Авиве, и что ее сестра замужем за израильтянином.

Элен дочь голландского бизнесмена, владельца морских верфей. Она отправилась в путешествие по Европе, Африке и Азии, но в Греции встретила египтянина и вышла за него замуж.

В первый же день на новом месте я столкнулся с грубым обращением официанта Самуила. Со мной и Атефом он обходился довольно резко. Когда я решился

ему ответить, он отправил меня на кухню, к мылу и грязным тарелкам. Но главным моим мучением, все же, был Коста. Что до Атефа, то его он взял официантом на верхний этаж ресторана.

На третий день мы с Элен стояли у входа в ресторан и смеялись, после того как я закончил работу на кухне. Увидев нас вместе, он злобно спросил: «Понравилась тебе? Подкатываешь к ней?».

Я не успел ничего ответить, как он добавил: «Она моя жена». Элен бросила на него гневный взгляд.

Ресторан «Фалахос» – трехэтажное здание. Первый этаж расположен под землей, а в нем – кухня. Посетитель, преодолевая возникающие на его пути трудности, поднимался на два этажа вверх по лестнице. Ему приходилось пройти через лабиринт дверей, никуда не выводивших, коридоров, заканчивавшихся тупиком, и попросту бесконечных проходов. Наконец, он находил единственно верный путь на крышу, где перед ним открывалась чудесная панорама Афин с высоты в тысячу метров.

Со второго этажа до нас доносились крики туристов, гоготающих над шутками. Затерянные в лабиринте коридоров влюбленные, наоборот: перешептывались, целовались, обнимались и только потом поднимались наверх. Порой казалось, что им вовсе и не хочется найти выход на крышу.

На верхнем этаже было расставлено двадцать столиков красного цвета. Перед ними, на не большой сцене, выступали музыканты. В другой части крыши располагались краны и стеклянные бутылки. Краны были соединены с бочками, наполненными рециной (белым греческим вином). Принимать гостей мы начинали с пяти вечера, а заканчивали работу в два ночи.

Рестораном владели два брата и сестре. Все они были одинокими. Маноли отвечал за верхний этаж, атмосферу на панораме и счета. Настоящий лорд во всем. Шик, красота и чистота. Он не хотел огромных богатств, да и вообще несильно заботился о деньгах. Ему было семьдесят лет, и у судьбы он не просил ничего, кроме возможности наслаждаться прекрасными афинскими вечерами вместе с друзьями. Как правило, его друзья отдыхали у нас бесплатно.

Его сестра была старой девой. Время от времени она заглядывала в ресторан.

Коста отвечал за кухню и был полной противоположностью Маноли. Он был младше его на два года и отличался чрезвычайной жадностью. Собственно именно она и побуждала его работать в ресторане поваром, чтобы не тратить деньги на еще одного работника.

В начале рабочего дня Коста подходил к иконке с изображением святого и ставил перед ней свечку.

Свеча вся была пропитана маслом, чтобы быстро не прогорать и сокращать, тем самым, расходы Косты.

Коста обращался к святому: «Ты хорошо знаешь, что нам нечего есть. Это несправедливо. Мы каждый день упорно трудимся и усердно молимся. А ты для нас ничего не делаешь. Ты не можешь нас оставить!».

Он доставал спичку и поджигал свечу. Свет озарял лицо святого. А Коста все больше горячился и волновался.

«Яни», – звал меня Коста.

Он выбрал мне греческое имя, так как моего настоящего выговорить не мог.

Коста обращался ко мне: «Выйди уже на улицу. Нам нужны клиенты. Так не пойдет».

Среди мяса и картошки он жарился на кухне целый вечер. Впрочем, весь его слух был обращен к деревянной лестнице. Он прислушивался к звуку шагом посетителей. Перед тем как вступить в бой с огнем, он бросал в дверь пригоршню сахара, чтобы защитить нас от дурного глаза.

В ресторан зашла группа туристов из Чехословакии. Молодые парни и девушки. Послышались их громкий смех и крики. Все они были в коротких шортах и купальниках. Вскоре они уже были заняты поиском пути на верхний этаж.

Коста завопил с кухни: «Яни, Яни».

Я отозвался: «Да, господин Коста, большая группа».

Он закричал: «Спасибо, Яни. Как я люблю тебя, Яни. Иди сюда. Нужно срочно приготовить хорьятики²⁴. Сколько их?».

Я ответил: «Около сорока».

Он в восхищении развел руки в стороны: «Уууууух ты». И тут же перекрестился.

Коста торопливо двинулся к свечке и дунул на нее. Лицо святого погрузилось во мрак.

Почти каждый день Коста работал и не получал при этом прибыли: шаги, которые он слышал из кухни и которым он так торопился услужить, принадлежали друзьям Маноли. А они за еду не платили.

Коста откровенно боялся Маноли, стеснялся выражать свое несогласие с политикой ресторана и никогда не вступал с ним в дискуссии.

А вот Анна-Кити, их сестра, как-то узнала, что Маноли не берет денег с друзей. Некоторые ее приятели также пользовались добротой ее брата. Дважды она появлялась в ресторане, чтобы их усювестить. Но Маноли взял ситуацию под контроль и замял конфликт. Коста тогда очень расстроился.

24 Греческий салат из овощей с оливковым маслом и сыром фета.

Дом Элен и Самуила – всего две комнаты и гостиная. Но для меня он был настоящим райским уголком. Из окон открывался вид на Афины с головокружительной высоты. Распахнув его дверь, ты оказывался в окружении десятков туристов, спавших прямо на улице. Они праздновали прибытие на землю олимпийских богов: из музыкальных проигрывателей звучала музыка, все танцевали с ночи до утра.

Утром и в послеполуденное время движение на холме Плака становилось чуть менее суетливым. По воскресеньям на фабрике у меня был выходной. А вот в ресторане это был очень важный рабочий день, и на гору я взбирался раньше обычного. Я проходил мимо дома Самуила и поднимался по спирали улиц на самую вершину.

Из-за невыносимой жары господин Лохандро в коротких шортах расположился на стуле около дома. Одну ногу он закинул на соседний стул, чтобы забраться под юбку Соне и пощекотать пальцами ног ее промежность. Соня, уютно расположив ноги на стуле господина Лохандро, откинулась на спинку стула и свела колени вместе.

Лохандро ранее был депутатом греческого парламента. Ему было не меньше восьмидесяти, а Соне – только двадцать один год. Мы часто слышали, как кричала ее мать. Она приходила к ним, чтобы

пристыдить господина Лохандро, а иногда даже проклясть его за то, что он отнял у нее дочь.

Невероятно красивая и всегда почти голая Соня. Для победы в войне ей пришлось присоединиться к господину Лохандро.

Он время от времени посылал ее в ресторан за рециной. Винный погреб тянулся под нашим рестораном на несколько десятков метров. В полных бочках бродило вино.

Атеф спустился с Соней в погреб, чтобы наполнить бутылку, и, вместо этого, стянул с нее джинсы. Она не сопротивлялась и покорно склонилась над бочкой. Атеф вошел в нее сзади, и она застонала. Закончить дело ему помешал Коста. Его гулкий лай доносился от входа в погреб. Он звал Атефа, и тот поспешил к нему. Коста долго буравил их тяжелым взглядом. Атеф рассказал ему, что господин Лохандро попросил налить вина. Разумеется, бесплатно: по указанию господина Маноли. Коста запричитал: «Маноли... Маноли, нам есть нечего».

Успокоившись, он посоветовал Атефу в следующий раз заранее предупредить Соню о том, что нам тоже надо что-то кушать.

Коста своей жизнью был совершенно не доволен. Как-то он вернулся с семейной фермы и принес с собой немного инжира, оливок, персиков и винограда. Вдруг раздался крик нашей соседки Хасии: «Костаааки».

Одинокая женщина за пятьдесят. Коста время от времени наносил ей визиты.

Услышав ее крик, он схватился за голову и застонал: «Женщины, ох уж эти женщины. Им только и нужно, что деньги да еда».

Пока Хасия не ворвалась в ресторан сама, Коста выбрал испортившийся инжир, несколько завядших кистей винограда и немного персиков. Он сказал мне: «Яни, дорогой, отнеси это ей. А то она может и сама к нам наведаться». Затем он перекрестился, умоляя Иисуса защитить его от алчных устремлений Хасии.

Поздней ночью я возвращался домой из ресторана вместе с нашей певицей Джулианой. Ей было чуть больше сорока. Второй час ночи, и мы спускаемся к подножью горы. Джулиана возьмет такси, а я останусь ждать автобуса.

И вот мимо нас проходит очаровательная девушка. Вся моя деланная серьезность, обусловленная задачей сопроводить девушку, улетучилась в один миг. Я решил приударить за незнакомкой. К нашему удивлению, она развернулась и сама двинулась в нашу сторону.

Одежда ее едва ли вообще что-нибудь скрывала. Чуть ниже восхитительной шеи – приподнятые груди, спрятанные под коротким топом. Мини-юбка такая

короткая, что лишь немного прикрывает трусы. А длинные и стройные ноги, соединяясь, образуют столь роскошную задницу, что глаз не оторвать.

Незнакомка обратилась ко мне: «Ты моя любовь».

Я переспросил: «Что?».

Она продолжила: «Может, хочешь прямо сейчас?».

Ее голос меня насторожил. Это была не она, а он.

Мы с Джулианой скатились с холма, чуть не падая на ходу от смеха. Характер у нее был похож на мой. Заметив прекрасную незнакомку, она тоже остановилась, чтобы лучше ее рассмотреть.

Пока мы спускались, она все недоумевала: «Как такое возможно? У него просто суперская грудь. А как он красив. Его губы. Изящные ноги».

Она засмеялась и добавила: «Если бы у меня была хоть половина данных этого негодяя, то президент Караманлис валялся бы у моих ног».

Джулиане и ее музыкантам полагался выходной.

Манולי сказал нам с Самуилом, что мы будем танцевать. Теперь мы стали аниматорами при музыкальном ансамбле и старались расшевелить посетителей. После ужина мы потащили их танцевать. Манולי смеялся и предлагал в нашу честь тосты. Апофеозом того вечера стало выступление Самуила,

крепкого парня из Верхнего Египта. Он схватил стоявшую рядом тахту зубами, поднял в воздух и принялся танцевать, раскинув руки в разные стороны. Изумленные посетители кричали от восторга.

Мы купили специальные тарелки, чтобы гости могли их бить. Греки выражают восхищение красотой танца, разбивая у ног танцующего тарелки, стаканы и чашки. Чтобы избежать убытков, мы запаслись специально предназначенными для битья тарелками. Клиент покупал у нас одну такую тарелку и продолжал веселиться.

Однажды у музыкантов был выходной. Я сказал Маноли: «Сегодня никого не будет, и Коста снимет с нас кожу живьем».

Но Маноли меня успокоил: «Не переживай. Сегодня в ресторане не будет ни одного свободного места. Мой друг Кастелло, знаменитый музыкант, выступает у нас. Он звезда кино и телевидения».

Вечером в ресторан зашел пожилой мужчина восьмидесяти лет. С собой он принес только бузуки²⁵ – музыкальный инструмент, напомнимший мне формой уд²⁶. Вскоре в ресторане было уже не протолкнуться: так много поклонников его творчества – и греков, и иностранцев – собралось у нас на крыше.

25 Струнный щипковый музыкальный инструмент, разновидность лютни.

26 Струнный щипковый музыкальный инструмент, распространенный в странах Ближнего Востока.

В десять вечера музыкант взял получасовой перерыв. Я направился к нему, чтобы узнать его заказ (именно так мы всегда поступали с музыкантами из группы). Исполнение старика-музыканта меня заворожило. Он зажег огонь в душе каждого слушателя, и весь ресторан с криками пустился в пляс. Меня особенно поразили старые песни, услышав которые собравшиеся начинали вздыхать. Затем они вскакивали, не в силах усидеть на месте, и присоединялись к бешеному танцевальному марафону волнующихся тел.

Я спросил: «Что вы будете пить?».

Он пристально взгляделся в мое лицо: «Ведерко сока плодов рожкового дерева и напиток из лакрицы».

Я стоял, ошарашенный, а он продолжал: «Египтянин, из Верхнего, не так ли? Маноли мне сказал».

Кастелло добавил: «Чтобы ты знал. То, что ты только что услышал, для меня не так важно. Сейчас ты услышишь мою любимую композицию. А если ты сам что-нибудь захочешь, не стесняйся и попроси».

«Ночь прошла, наступило утро, и птичка щебечет на дереве. Она видит кошечку и зовет ее кис-кис, а та отвечает ей мяу-мяу».

Теперь ресторан танцевал под песни Мухаммада Фаузи²⁷, Фариды²⁸ и Абдель Ваххаба²⁹.

А Кастелло плакал и пел: «Мустафа, о Мустафа, я люблю тебя, Мустафа. Все семь лет, проведенных в аль-Аттарин³⁰, я люблю тебя Мустафа».

Я спросил его: «Откуда ты знаешь все эти песни?».

Он ответил: «Мальчик мой, я был руководителем оркестра, с которым выступал Мухаммад Фаузи. Мое имя можно увидеть в титрах к почти всем его фильмам».

Кастелло почти ничего не съел, выпил всего один стакан коньяку. Убрать бузуки в кожаный чехол ему помогли. Маноли обнял друга, и тот ушел. Уже в дверях он вынул пятьсот драхм и вложил мне в руку. Он сказал: «Передавай Египту привет. Сдается мне, я его больше никогда не увижу».

27 Мухаммад Фаузи (1918–1966) – египетский певец и композитов.

28 Имеется в виду Фарид аль-Атраш (см. примечание 20).

29 Мухаммад Абдель Ваххаб (1902–1991) – египетский композитор и певец. Прославленный исполнитель патриотических песен.

30 Название одного из районов Александрии.

Это странное создание покончило с собой.

Похоже, он решил, что мы ждем его на зеленой травке сада, и выпрыгнул с третьего этажа.

Головой вниз.

В тот день Соля долго плакала, а я прижимал ее к груди.

Я принес картонную коробочку, положил Таки внутрь, вырыл ямку и закопал его в саду.

На следующий день Габер принес с соседнего завода прямоугольный кусочек мрамора, и мы написали на нем: «Здесь покоится наш любимый Таки», – и поставили его у могилы.

Соля заметила нас и сбежала в сад, чтобы посмотреть, что мы делаем.

На холме Плака знаменитый сиртаки соседствует с «Веселыми ночами в Вене»³¹, «Музыкой весны»³² и лучшими произведения Абдель Ваххаба.

Закончив смену на фабрике, я к четырем часам добирался до ресторана и поднимался на верхний этаж. Чтобы не тратить времени потом, я сразу

31 Песня Ахмада Рами на музыку Фариды аль-Атраша.

32 Песня Умара Хуршида и Фариды аль-Атраша.

принимался убирать зал и сцену, расставлять стулья, накрывать столы и выставлять чистые булочки для вина. Закончив с работой, я устроивался на стуле и засыпал.

Хитрые глаза Косты следили за мной. Он задавался вопросом: зачем я прихожу на работу так рано? Его снедали сомнения: уж не ворую ли я?

Дом нашей соседки Линды располагался на возвышении, и окна ее были над нами. Как-то она заглянула к Косте, чтобы спросить, как дела у его сестры. Она рассказала ему, что один парень каждый день приходит в ресторан пораньше и драит зал до блеска, а когда устает, садится на стул и засыпает.

С тех пор Коста всегда приветствовал меня радостным возгласом: «Я так тебя люблю, Яни».

«Что ты тут стоишь?», – спросила Элен.

Я ответил: «Скучно».

Она предложила: «Хочешь шоколадку?».

Я ответил: «Нет».

Тогда она сказала: «Я беременна и еду в Египет».

Я удивился: «В Египет?».

Она ответила: «В Египет».

Я снова удивился: «Самуил мне ничего не говорил».

Элен парировала: «Потому что я еду одна».

Несколько дней она расспрашивала меня о жителях Египта, о его городах и улицах. Дочь владельца судостроительных заводов из Голландии хотела узнать больше о народе своего супруга, до того как появится на свет их первенец.

Мимо нас проследовал Самуил. Элен спросила его: «Самуил, ты меня любишь?».

В руках у него были тарелки, и он торопился наверх. Он крикнул ей: «Ты как мулюхийя³³».

Я долго объяснял ей, что такое «мулюхийя», но мои слова показались ей неубедительными.

Элен рассказала, что в последние дни Самуил говорит ей странные вещи. Например, называет ее луной.

«Он что сравнивает меня с каменной глыбой, на которую высаживаются астронавты?».

Я попытался объяснить ей, что луна в пустыне выглядит совсем по-другому и что Самуил сравнивает ее с луной, так как она дарит свет. Еще она сказала, что Самуил время от времени врет без особой причины. «Помнишь, я спросила тебя о первой брачной ночи в Верхнем Египте и о том, что девушкам рвут

девственную плевру пальцем. Ты сказал, что такое случается. А Самуил продолжает врать и говорит, что быть такого не может. А я и сама читала об этом в книгах».

Элен вернулась через неделю. Удивительно, что она меня не поколотила. Перед ее отъездом я рассказывал ей сказочные истории о Ниле, пирамидах и ночах Клеопатры. Вернувшись, она крепко меня обняла. Я спросил: «Как Египет? Все хорошо?».

Она ответила: «Нет! Вы с Самуилом оба лгуны. Все египтяне – воры. В Каире – воры. Носильщик – вор, офицер в аэропорту – вор, таксисты и официанты – воры». Тут она схватилась за голову так, будто на нее налетел ураган. «Тууууу, туууу, биини, бииниб. И одни сплошные воры».

Я стоял сконфуженный, но она разрядила обстановку: «Зато Тагта, деревня Самуила рядом с Сохагом, – прекрасное место. Люди очень добрые, хоть и бедные. Все время говорят добро пожаловать, мадам. Пожалуйста выпить чаю. И воздух чистый. Мама Самуила, его братья и сестры, отец – все очень добрые. Впрочем, мать Самуила пытается гусей».

Она зажимает гуся между ног и засыпает ему в глотку фуль и кукурузу.

А гусь кричит: «Нееет...».

Затем она заливает ему в клюв воду. Она склоняется над ним, словно для поцелуя, и переливает ему в клюв воду изо рта. А гусь протестует и кричит.

Она не успокаивается, пока, ощупав рукой зоб гуся, не убедится, что он раздулся. А затем отпускает его. Гусь лежит тихо, даже и пошевелиться не может».

Закончив рассказ о пытках гуся, Элен на секунду замолчала, взмахнула рукой и продолжила: «Мама Самуила – настоящая мастерица. Она сшила для меня платье».

Элен зашла в дом и вернулась в невероятной красоты джильбабе. Он был украшен, как у крестьянок, – большими яркими цветками, с вырезом, ограничивавшимся в районе груди квадратной нашивкой, с рукавами, на концах которых были складки.

Она смотрелась в нем очень гармонично и продолжала плавно поворачиваться вокруг себя. Мы с Самуилом застыли в оцепенении.

Ее радости не было предела. Она сказала, что пойдет в этом платье слушать музыку в Изабионе. Так назывался общественный парк, где каждую неделю организовывались музыкально-оркестровые выступления. На них обычно приходили в строгих костюмах, поэтому ее идея показалась нам не самой удачной. Но она настояла на своем и так и пошла.

Вечером Элен рассказала, что стала главным объектом внимания всех собравшихся. И это была полностью заслуга матери Самуила: она сшила это великолепное платье, бросив на Элен всего один быстрый взгляд.

Самуил вскричал: «Мулхуйя».

Элен тут же завопила в ответ: «Ааа, вот о чем я забыла спросить в Египте!», – и взволновано глянула на меня: вдруг я все же смогу объяснить ей значение этого слова.

Я завел ее в лабиринт нашего ресторана и рассказал ей, что существуют разные виды мулхуйи: с кроликом, с курицей, с мясом, с костным мозгом теленка; бывает свежая, бывает сушеная, а бывает сухая с лимонным соком, чесноком и острым перцем.

К нам в ресторан пришел Махфуз. Для тех, кто его не знал, он был весьма примечательным персонажем. Маленький и толстый. Ему было уже более сорока пяти лет. Пришел он, чтобы узнать про работу, так как ему нечего есть. Готовые заказы у Косты на первом этаже, а ресторан с клиентами на третьем. Раза два Махфуз поднимался с тарелками наверх, но потом усаживался в углу спать на стуле. Однажды ему приснился кошмар, и, проснувшись, он продолжил начатую во сне речь наяву. В тот момент он хулил богов со всей их проклятой благодатью.

Махфуз учился на сельскохозяйственном факультете вместе с Аделем Имамом³⁴, и часто подсказывал последнему на экзаменах. Махфуз получил степень магистра, но Аллах не дал ему ничего. А Аделю Иمامу он облагодетельствовал, хотя тот был глуп и некрасив собой. В общем, Махфуз стал работать с нами. Он мог без разрешения владельцев не появляться в ресторане несколько дней, затем вернуться и от усталости снова завалиться спать на стул.

Во время беременности Элен должна была каждый день много ходить. Как-то мы все вместе отправились к морю. Ее округлившийся живот держался поверх волн поплавком.

Когда она родила, мы с Самуилом отправились в больницу. Я нес ей букет цветов. Мы вошли в палату. На Элен не было ничего, если не считать зеленой больничной накидки, с прорезьями со всех сторон. Она поправляла постель, в ожидании нашего появления.

Самуил поругался с Маноли из-за зарплаты. У него-то был вид на жительство. Тогда он ушел из ресторана, и меня назначили старшим официантом. Спустя неделю он вновь появился в ресторане и сказал, что подождет, пока я закончу, так как утром у нас важная встреча. Был вечер субботы. Самуил знал, что завтра на фабрике у меня выходной.

34 Адель Имам (род. 1940) – египетский актер, на протяжении четырех десятилетий сохраняющий звание главного актера арабского мира.

Я вернулся со смены на фабрике и принес домой мешок, в котором были стулья, столы, плита, холодильник, кровать и шкаф.

За окном бушевал дождь.

Я постучал к тетушке Толе.

Она открыла. На ней был легкий хлопковый джильбаб. На плечи она набросила бархатную шаль.

Тетушка Толя проводила меня в гостиную и сказала: «Ты настоящий псих. Снимай мокрую одежду и садись поближе к камину».

Из кухни доносился запах вареной капусты. Спустя минуту она вернулась с чаем и кексом.

Я как раз расставил на ее единственном столе полный комплект мебели для квартиры.

Она воскликнула: «Вау, а где же невеста?».

Я поглядел на стоявшие передо мной пластиковые игрушки и сказал: «Так это для тебя. Я хочу немедленно на тебе жениться. Думаю, у тебя нет возражений. Вот, кстати, все, что нужно для обустройства семейного гнездышка».

Тетушка Толя рассмеялась, от чего складки ее лица затряслись.

Она задумалась, а затем сказала: «Все вы очень хорошие люди. Выпей чаю». Она потянулась к чашке. Ее рука тряслась, на ней выступали вены. Шум дождя за окном становился все громче.

Принимая из ее рук чашку, я спросил: «Ты по-прежнему любишь Мустафу больше меня?».

Она плотно укутала плечи шалью: «У меня нет сыновей. Только дочь, да и та далеко. Когда Мустафа вернется?».

Я сказал: «Не знаю, но он подумывал отправиться во Францию».

У дверей дома она в знак благодарности поцеловала меня и повязала мне на шею платок: «Красивый юноша».

Проводив меня, она закрыла дверь.

Летом прибыла новая делегация студентов, собранная профессором-аферистом.

Я отправился к гостинице и загрузил их всех в один автобус.

Мы добрались до моей подруги, владелицы пекарни. Я сказал ей, что ее здание пустует, и мои друзья могут в него заселиться, а аренду начнут платить через месяц. Она согласилась. В доме заселилось сразу десять этажей.

Спустя два месяца один из новоприбывших сообщил мне, что Кат³⁵ не платит за жилье.

Я спросил у владелицы пекарни, так ли это. Но она сказала, что и сама не хочет брать с него плату, потому что он очень болен, и денег у него нет.

Пекарша заверила меня: «Кат не врет. Прямо на моих глазах он разбил себе голову о стену, да так что кровь забила фонтаном. Я не хочу брать с него денег. Он действительно не здоров, поверь мне».

Я прождал Ката до вечера и предупредил его, что сообщу о нем в полицию, если он не будет платить аренду.

Я хорошо помню добрую владелицу пекарни.

Однажды мы с Салахом послали шейха Ису купить хлеб.

В первый раз пекарша была недовольна: попросив сразу десять лепешек, мы застали ее врасплох. Хлеб в пекарне был расставлен рядами, и на каждом батоне было надписано имя той семьи, для которой он предназначался.

Греки едят мало хлеба.

В ресторане нам на весь день хватало двух батонов. Мы нарежали их и клали каждому клиенту один-два

35 В переводе с арабского – «воришка».

ломтика. Как правило, посетитель едва надкусывал свой кусочек и сразу приступал к поглощению мыса и салата. Порой, тарелку с хлебом нам возвращали вовсе нетронутой, а в конце смены мы с Атефом сами уплетали все два батона.

В тот раз хозяйка пекарни удивилась: «Вы что, сэндвичи продаете?».

Мы решили избежать долгих обсуждений и ответили: «Да».

Шейх Иса должен был купить три лепешки – *триа псоли*.

Хлеб по-гречески – *псоми*, а мужской член – *псоли*.

Иса все повторял: «*Триа псоли, триа псоли*», – точно зачитывал «Альфийю» ибн Малика³⁶.

Он зашел в пекарню.

Хлеб продавала дочь хозяйки, прекрасный цветок четырнадцати лет.

Иса сказал ей: «*Триа псоли*».

Она покраснела.

Шейх Иса повторил заказ, а она потупилась и позвала сестру.

36 Средневековое арабское произведение. Правила грамматики и синтаксиса сформулированные в форме стихотворения, состоящего примерно из тысячи строф.

Пришла старшая сестра, семнадцати лет. Услышав заказ, она закричала: «Мама!».

Тогда, оставив печь, в зал торопливо вышла их мать, в пекарском переднике.

Тут шейх Иса окончательно смутился, но заученную фразу, все же, повторил: «*Триа псоли*».

Пекарша переспросила: «Что?».

Иса вновь повторил: «*Триа псоли. Псоли!*», – и указал на расставленные по полкам ряды батонов.

Она вскрикнула: «*Псоми!! Кало пези* (Хороший парень)».

Тут пекарша засмеялась и объяснила дочерям, что он, очевидно, не понимает, что именно говорит, и дала ему хлеба.

Урания пришла в наш ресторан на празднование помолвки двоюродной сестры.

Элен неоднократно советовала мне поговорить с ней. Как-то раз она несколько часов к ряду занималась перед домом в купальнике. Она выполняла движения из ритмической гимнастики, которые она выучила в школе, и смотрела в сторону ресторана. Я подошел и немного поговорил с ней. Убедившись, что ее бабушки и матери нет дома, я встал на ступеньку

перед ее дверью, обнял ее и поцеловал. Урания точно потеряла голову. В конце концов, она была еще совсем ребенком. Я же тонул во вкусе ее губ и запахе струй воздуха, вырывающихся из ее носа.

Урания пришла вместе с остальными приглашенными. На ней было вечернее платье, с вырезом на спине. Ее руки, плечи и грудь были подобны гроздьям света. Она, очарованная, в мою сторону. Я управлял всем рестораном и приносил заказы. У нее я спросил: «Мадмуазель желает чего-нибудь?».

Она ответила: «Пива».

Ее бабушка услышала и рассмеялась: «Да, принеси ей пива, Яни».

У греков принято понемногу приучать девушек к употреблению алкогольных напитков в семье.

Я поставил перед ней пиво, и она начала пить. Под любым предлогом я планировал выкрасть ее, чтобы мы могли нацеловаться в лабиринтах ресторана. Стакан, второй. Урания смотрела в мою сторону. Я попытался скрыться из виду, но ее взгляд преследовал меня повсюду. Она все продолжала пить. Осушив бутылку, она начала посылать в мою сторону воздушные поцелуи.

Ее бабушка позвала меня: «Яни, пожалуйста, помоги мне ее отвести».

В полусонном состоянии мы дотащили ее до дома. Даже во сне она все пыталась меня поцеловать.

Уранию перевели в школу-пансион, и я на ней не женился. Я боялся, что возникнут проблемы из-за того, что у нас разное вероисповедание. Кроме того, я не хотел оставаться жить вдали от дома, да и учебу нужно было закончить. Я так уехал, не попрощавшись с ней.

Отели «Холидей Инн», «Каравелл» и «Хилтон» скромно выстроились в ряд, утопая в тишине просторных площадей и садов Афин.

Даже издали видно светящиеся буквы огромной стеклянной вывески: «Арабский ресторан».

Капли воды одна за другой скатываются вниз по большому стеклу, установленному рядом с входной дверью ресторана. Они орошают небольшие растения, посаженные под стеклом. Этот мелкий дождик создает столь необходимую жарким августом прохладу и влагу.

Внутри меня ждал Самуил.

Он поругался с Маноли в ресторане на Плаке, и я занял пост старшего официанта.

Его не было два дня.

Спустя некоторое время Самуил рассказал мне, что есть один роскошный ресторан и что его хозяин опубликовал объявление. В нем говорилось, что они ищут официанта, который владеет арабским, греческим и английским языками. Он вернулся за мной, чтобы предложить работать с ним.

Внутри ресторан арабской кухни подразделялся на четыре разноцветных шатра: ярко-розовый, голубой, бледно-розовый и зеленый – и бар с алкоголем.

По стенам палаток змеями извивались разноцветные трубки кальяна. Расположившись поудобнее, посетитель вдыхал табак из одного из них. Длинный шланг кальяна поднимался вверх и соединялся с трубкой. На втором этаже дежурил кальянщик. Он менял табак, воду и уголь, переставлял кальяны.

Самуил крикнул мне: «Двигай сюда быстро!». Ужин – время самой напряженной работы. Остановившиеся в одной из этих трех элитных гостиниц арабы из стран Персидского залива всей толпой врываются в ресторан.

Клиенты наши – все сплошь верующие. Они спрашивают у нас время молитвы и направление на Мекку. Заказывают они баранину, но только если животное было убито в соответствии с предписаниями ислама. Иногда заказывают курицу или голубей. Но всегда со стаканчиком виски.

Внимательный к мелочам официант Исам поставил у входа стол и стулья, чтобы важный гость мог спокойно отдохнуть с друзьями. Рядом с ним все перемещались с удвоенной осторожностью. Он посмотрел на меня и попросил: «Чай, пожалуйста».

Я отправился в бар, хотя времени им заниматься у меня не было: по ресторану туда-сюда летали тарелки. Я на скорую руку приготовил чай, как это делают в Верхнем Египте: когда чайник на плите вскипел, я

добавил в него чай, сахар и мяту, закрыл крышкой и выключил огонь.

Через десять минут он меня подозвал, улыбнулся и спросил: «Откуда ты?».

Я ответил: «Из Верхнего Египта».

Он засмеялся: «Это и так было понятно. Повтори мне чай по-верхне-египетски, пожалуйста».

По дороге мне попался Самуил, и я спросил у него: «Этот человек меня знает?».

Он засмеялся и ответил: «Конечно. И ты его знаешь».

Я все носился по залу, принимая и подавая заказы. Всякий раз, подходя к его столику, я спрашивал: «Чего желает Тауфик-бек?» или «Чего изволит устаз³⁷ Тауфик?». Наконец, я его вспомнил.

Тауфик Абдель Хей.

Беглый миллионер. Импорт испорченной курицы. Фотография в аль-Ахрам.

Вечером он позвал нас с Самуилом и сказал: «Самуил – опытный официант. Он успел переругаться со всеми остальными и попросил взять тебя на работу. Мы закрепим за вами один из шатров. Похоже, Самуил был прав насчет тебя».

На работу он попросил меня выйти, начиная со следующего дня.

В ресторане греческой кухни я у меня не было униформы, и я носил джинсы и футболку. Тауфик предупредил: «Здесь мы соблюдаем строгий стиль одежды. Ты будешь носить белую рубашку и галстук».

Поваром в ресторане был нубиец дядюшка Фаррадж. Раньше он работал в гостинице «Палестина» в Александрии. Он был очень хорош собой. Женат дядюшка Фаррадж был на белокожей толстушке, которая все время смеялась.

С первой минуты моей работы в ресторане он меня полюбил. Еще со времен первого ресторана я привык работать в команде. Я принимал заказ и входил на кухню, чтобы помочь ему с приготовлением простых блюд и салатов, или собрать хлебную корзину. Остальные официанты просто дожидались, когда он отдаст им готовые блюда.

Ежедневно мы зажаривали трех баранов с орехами и изюмом.

Спустя месяц Тауфик собрал всех работников. Он объяснил, что приемы пищи персонала устроены согласно существующему законодательству: два дня мясо, два дня курица, один день рыба, два дня чечевица и фасоль. Еду работникам подает дядюшка

Фаррадж, и никто кроме него делать это права не имеет.

Каждому сотруднику полагался один стакан безалкогольного напитка. Алкоголь был строго запрещен.

Работники ресторана мигом осушили бар. Дорогие сорта вина и виски пропали.

Они так хорошо научились развлекать миллионеров и разделявать заказанных ими баранов, что ели вперед них.

Слова Тауфика вызвали настоящий мятеж. Самуил был вне себя от гнева. Но Тауфик вызвал нас к себе и сказал, что сказанное к нам не имеют никакого отношения.

Ахмад, лысый и чрезвычайно худощавый официант из соседнего шатра, был танцором в группе Рида³⁸. Он сожительствовал с молодой гречанкой, соблюдая установленное в их отношениях правило: в жены он ее не возьмет. Да она и сама от него ничего не требовала. Иногда, тоскуя по былым временам, он включал проигрыватель, и ресторан наполнялся прекрасными звуками песен Али Исмаила³⁹.

38 Танцевальное объединение, созданное в 50-е года Махмудом Ридом. Прославилось исполнением народных танцев.

39 Али Исмаил (1922–1974) – египетский композитор и исполнитель.

Ахмад рассказывал об обучении в танцевальной школе и о жестких тренировках, необходимых чтобы поддерживать вес. Даром они не прошли: он стал как электрический провод, и набрать еще хоть килограмм был неспособен.

Ахмад ничего не знал о своем отце. Время от времени до нас доходили новости из Египта. Но он неизменно качал головой и повторял, что ничего о нем и слышать не желает.

Раньше он торговал машинами. Покупал их в Германии, перегонял в Грецию и продавал с прибылью.

В густой дымке тумана он подскочил на кочке и свалился с обрыва.

Ему отрезали добрую половину кишечника и сделали сложную операцию на мозге. Тогда он оставил автомобиль и спустился на землю.

Исам, другой официант, состоял в родстве с мадам Фатен аль-Ашвах, женой Тауфика. Родом он был из Александрии, среднего роста, белокожий и предельно обходительный. Его волосы блестели от невероятного количества геля. Он считал своим долго высказывать возражения по любому поводу. За собой он признавал звание единственного во всем ресторане эксперта в вопросах этикета.

Однажды он зашел в бар за стаканами. Я как раз их чистил, чтобы забрать в свой шатер. Он сказал:

«Быстрее, быстрее. Подготовь мне поднос».

Каждый официант должен был сам мыть себе стаканы. Поэтому я решил его поддеть: «Исам, а ты меня за это поцелуешь?».

Свет в баре был приглушен. Рядом с нами прошел Ахмад. Лицо Исама побагровело, и он закричал: «Это просто невыносимо! Где только таких находят!?».

В конце рабочего дня Тауфик Абдель Хей вызвал меня. Он смеялся: «Что именно ты сказал Исаму?».

Целую неделю в ресторан регулярно заходил один посетитель с восточными чертами. Он всегда садился в нашем шатре. Как я его не развлекал, он выглядел подавленным и унылым.

Заплатив по счету и оставив чаевые, он сказал: «Я хочу тебя». Было пять часов вечера. Он сказал, что через несколько часов улетит и больше меня никогда не увидит. И что он позвал меня именно для того, чтобы сообщить это. Он признался, что был очень рад со мной познакомиться и что заходил поесть именно к нам, так как на дух не переносит свинину. Он рассказал, что он из израильтянин и что считает неправильным скрывать от меня этот факт, потому как не испытывает ко мне враждебности. Он добавил: «Я люблю тебя, и меня печалит, что наши страны не могут жить в мире». Напоследок он попросил поминать его добрым словом, когда он уедет.

Чильда, стюардесса немецких авиалиний, разменявшая четвертый десяток, часто сидела в нашем ресторане. На ней была красная рубашка, под которой виднелся красный лифчик, с выпрыгивавшей из него полной грудью. Сзади ее короткой синей юбки красовался разрез. Парни частенько с ней спали. Чильда любила солнечные страны. От холодной Германии она бежала.

В начале дождливой и снежной зимы, тепло рынка Монастираки, с его крытыми крышами и узкими проходами между магазинчиками, обжигало.

Здесь можно было купить абсолютно все: и старое, и новое, и бывшее в употреблении.

Цены были феноменально низкими: за десять драхм можно было взять штаны или рубашку. Здесь же продавали сувениры и подарки. Плавательные шорты, новые костюмы, платья – все было свалено в кучи, осмотреть которые предлагали шнырявшие по тротуару торгоши. Они кричали: «Эла эзо (Иди сюда)».

В лавках рядами была выставлена обувь и кухонная утварь, развешаны знаменитые тканевые шторы греческого производства.

На рынке Монастираки продавалась почти новая одежда. Сюда попадали все излишки из магазинов,

избавлявшихся от старья в ожидании новой коллекции. Стремительно менявшаяся мода была для магазинов настоящим проклятием: только появится новый крой брюк, так сразу весь нереализованный товар отправляется на Монастираки.

Посещение рынка всегда доставляет удовольствие. Ты ловишь взгляды прогуливающихся рядом девушек. Они с наслаждением поглощают сэндвичи и наскоро сварганенные булочки, покупая их тут же, у лоточников. Бойкие продавцы изо всех сил тебя развлекают. Разнообразие товаров (от меховых пальто, до купальников и белья) поражает.

Мы частенько встречали здесь наших звезд. Они слонялись по рынку Монастираки в поисках чего-нибудь интересного. И никто не оборачивался, чтобы на них поглазеть.

Тетушке Толе я купил бирюзовое ожерелье за сто драхм, а Соле – браслет в африканском стиле из слоновой кости за пятьдесят. Домой я вернулся часов в пять вечера и застал их в саду. Я сказал, что закон в моей стране позволяет мужчине иметь четыре жены, так что – я подкрутил усы – возьму я их обеих сразу. Тетушка Толя захлопала и засмеялась, в восторге от идеи. Я одел ожерелье ей на шею. Она расцеловала меня в обе щеки и налила мне чаю. Соля, тем временем, любовалась браслетом.

Вечерело. Соля рассказала мне, что никогда не занималась сексом. Я сказал, что это не к спеху и что она еще слишком маленькая.

Соля открыла мне, что девочки в школе часто говорят о своих любовных похождениях с родственниками и знакомыми ребятами. Она призналась, что ходила с ними в парк, чтобы познакомиться с кем-нибудь, но вспомнила бабушку и убежала. Теперь все над ней смеются.

Я сказал: «Наплюй. Ты красивее их всех вместе взятых».

Она спросила: «Разве мужчины любят скромных девушек, без особого сексуального опыта?».

Я ответил: «В моей стране мы от таких без ума».

Соля продолжила: «Девочки говорят, что грек обязательно должен заняться сексом со своей любимой до свадьбы. Но я не хочу создавать бабушке проблем».

Мать Соли умерла, а отца не было. Она жила с госпожой Анной-Марией, ее бабушкой, которая взяла на себя ее воспитание.

Уже у дверей я спросил ее: «Ты мне веришь?».

Она ответила: «Да».

Тогда я сказал: «Ты самая красивая девушка Афин».

Она улыбнулась: «А ты самый красивый мужчина на свете».

Она поцеловала меня в щеку и поспешила по деревянной лестнице вверх, напевая на ходу. Из окна мне помахала ее бабушка.

В наш ресторан пришел Рамадан-христианин.

Откуда он узнал адрес, не представляю.

С ним был друг.

Он сказал: «Рабих. Из Алжира», – и хитро мне подмигнул.

Я спросил, как у него дела.

Рамадан сказал, что последние дни издевается над христианами. Ему известно, что они за ним следят, а он в ответ все время крестится. При этом дома он молится и читает Коран, как только скрывается за дверью.

Я догадался, что расположившийся рядом Рабих из всего нашего разговора понимает только имена собственные. А Рамадан теперь строит из себя религиозного наставника.

Рабих в совершенстве владел французским и греческим.

Он родился в Европе, но был мусульманином и переходить в веру врагов ислама не хотел.

Так мне сказал Рамадан. Рабих заволновался, услышав свое имя. Из кармана он извлек книгу, поцеловал ее и положил на голову⁴⁰. Думаю, это был Коран. Только не на арабском.

40 В мусульманском мире данный жест символизирует клятву.

Рамадан сказал: «Он хочет изучать исламское вероучение». Тут он победоносно улыбнулся: вот какой путь он выбрал, чтобы защитить свою религию.

Очевидно, Рабих был не в курсе, что Рамадан принял христианство.

Товарищ Рамадана заявил: «Я хочу знать, что такое быть настоящим мусульманином, как нам заповедал Аллах и пророк его Мухаммад, да благословит его Аллах и приветствует».

Я записал для него *фатиху*⁴¹ и несколько стихов из коротких сур⁴², объяснил вкратце, как совершать омовение и молиться.

Рабих сказал, что будет лучше, если я все запишу. За моей работой он следил внимательно. Затем он вновь вынул из кармана книгу, поцеловал ее и добавил: «Клянусь священным Кораном, я мусульманин».

Рамадан попросил и для него сделать копию.

Рабих пробежался взглядом по написанному и сказал: «Это по-арабски, из Корана», – он снова поцеловал книгу и приложил ее к глазам, – «Но я по-арабски не читаю. Можешь записать тоже самое по-французски или по-гречески?».

Я бросил взгляд на Рамадана и сказал: «Я не знаю, как это перевести».

41 Букв. «открывающая». Первая сура Корана.

42 Суры Корана традиционно принято делить по числу стихов на длинные (мединские) и короткие (мекканские).

Рабиx запротестовал: «Не надо переводить. Я просто хочу знать, как эти слова произносятся по-арабски. Я их проговорю и запишу английскими буквами. Или ты сам запиши. Остается только омовение. Ты можешь мне все объяснить знаками, а я запишу последовательность шагов».

Через два дня Рабиx и Рамадан пришли вновь. Рабиx забрал у меня бумажку с сурами из Корана, записанными английскими буквами и сунул ее в карман.

Во время перерыва я вышел к ним и принялся разъяснять Рабиxу религиозные положения, связанные с омовением и ритуальной чистотой. Он все расспрашивал меня о тонкостях.

Рабиx спросил, когда в течение года лучше всего совершать омовение и молиться.

Я ответил, что, возможно, в день стояния на горе Арафат⁴³. Но, вообще, мусульманин должен молиться пять раз в день, и это не считая дополнительных молитв.

Рабиx все никак не мог понять, что именно я имею в виду. Пришлось повторить несколько раз.

Он полагал, что можно ограничиться каким-нибудь простым символом, как крестное знамение у христиан.

43 Кульминация паломничества в Мекку (хаджа).

Рабих настаивал: «Каждый день по пять раз?».

Я ответил утвердительно.

Тогда он спросил: «Пять раз совершать омовение и пять раз молиться?».

Я снова подтвердил сказанное.

Вся сложность положения, в котором он оказался, становилась все очевиднее.

Рабих выглядел удрученным: «Это очень много».

Он негодовал: «Каждый день!? Каждый день!?».

Уже у выхода Рабих спросил меня: «А можно я помолюсь один раз утром за все пять?».

Я отрезал: «Конечно, нет».

Рабих протестовал: «Это же просто не имеет смысла! Просыпаться каждый день на рассвете и весь день молиться! Наверняка есть путь попроще. Просто ты его не знаешь. Ты алем⁴⁴?».

Я ответил: «Это и так самый минимум».

Рамадан выглядел недовольным. Он даже пнул меня со злости: «Друг, дай ему что-нибудь простое. Я привел тебе человека, который хочет войти в мир ислама, а ты его оттуда выгоняешь».

44 Букв. «ученый». Титул мусульманского богослова.

Тауфик организовал в ресторане роскошную вечеринку.

Под вечер у нас собрались сотни палестинцев. Большинство – получившие ранения во время вторжения Израиля в Ливан.

Файруз⁴⁵ пела далекой горе в поддержку Палестины.

Пришел Надер, брат Тауфика. Он учился в России, служил в звании старшины и проводил инструктаж в ракетных войсках. После окончания войны Тауфик вынул его из армии и сделал одним из крупнейших торговцев сантехникой Египта. Когда Тауфик бежал из страны, Надер попытался продать автомобили компании «Арик», принадлежавшей Тауфику, а также всю записанную на нее мебель и обстановку офисов. Имущество Тауфика находилось под арестом. Когда о действиях Надера сообщили полиции, он тоже бежал и присоединился в изгнании к брату.

Жена Тауфика Фатен аль-Ашвах невзлюбила Надера с первого же дня.

Через три месяца Тауфик выставил брата за дверь.

Как-то раз я зашел к Надеру. Он попросил у меня пятьсот долларов взаймы. У него не было даже одеяла, чтобы укрываться холодными ночами.

45 Фейруз (1940–2016) – египетская певица и актриса.

Надер дал мне письмо к жене, чтобы я мог получить свои деньги назад. Она осталась в Египте, в Кафр-эд-Даввар.

Жила она в одноэтажном доме. Она вышла в простом джильбабе, прочитала письмо и сказала, что братья Надера выгоняют ее из дома и что она не умерла с голоду только благодаря помощи отца. А ей надо содержать троих детей.

Я сказал, что мне пора.

Она спросила: «Тебе нужна эта бумага?».

Я ответил: «Нет».

По открытой веранде кафе на площади Омония прогуливаются голуби. Смуглая, пышущая теплом официантка Лейла порхает от столика к столику. На ней мини-юбка цвета чая с молоком и белая блузка. Африканская красота. Черные глаза и длинные ресницы, за которые Создателя остается только благодарить. Ее грудь с силой сотрясается при движении, а юбка обнажает смуглые бедра. Ни одна европейка ей не соперница.

Я, как обычно, с ней заигрывал. Она подошла ко мне и, приветливо улыбаясь, воскликнула: «Опять ты!».

Я пообещал, что буду любить ее вечно, но сейчас пойду почитать «аль-Ахрам»⁴⁶. И пошел по своим делам.

Перед уходом я дал ей полевой цветок, который сорвал на холме Плака. Она улыбнулась и вставила цветок в петлицу жилетки.

Выпал снег. Стриптизерши из соседствовавшего с нашим рестораном бара зашли перекусить. Они заказали чечевичную похлебку и спросили, сколько им это будет стоить. Зимой наш ресторан простаивает: арабы боятся холодов и в Грецию не приезжают. Зато

46 Одна из наиболее старых и авторитетных газет Египта.

какие пиры устраивают у нас летом на деньги из Залива! Веселушка Синка сказала: «Я хочу греческий салат». Ее подруга Джулия подмигнула мне, давая понять, что будет тоже самое. Я поставил перед ними две тарелки и сказал: «Один салат стоит пятьдесят драхм». И послал Джулии воздушный поцелуй.

Поздней ночью, сидя за красным столом стриптиз-бара, я потягивал пиво. Компанию мне составляли пять девушек, дремавших у барной стойки в ожидании клиентов.

Лола медленно сняла всю верхнюю одежду, а затем и черное нижнее белье. Она повертелась и покрутилась на железном шесте, установленном в середине круга света. Лола высоко задрала ногу вверх, вынула из маленькой сумочки бутылку пива и принялась выполнять с ней эротические движения. В конце она засунула бутылку целиком себе во влагалище. Представление окончилось, опустился занавес. Все присутствовавшие, в количестве трех человек, захлопали.

Я сам был не то что бы сильно счастливей девушек из стриптиз-бара. Работал я у преступника и беглеца. Получал две тысячи долларов. К тому же, я потерял уже целый учебный год. На улице стояли холода, в ресторане царил скука. К нам зашли посетители. Трое устроились, чтобы поесть. Еще один вошел отдельно

и направился напрямиком к барной стойке. Он заказал стаканчик. Я налил ему выпить и ушел. У бара долго никто не сидел, и я забыл включить свет.

Спустя некоторое время я включил свет и извинился за свою оплошность. Гость заказал бутылку вина.

Ресторан экономил немалые деньги на бармене зимой. Я выполнял его обязанности по совместительству. Посетитель снова заказал: «Две бутылки пива».

«Пиво после вина?», – подумал я про себя.

Сидел он по-прежнему один. Я открыл обе бутылки и поставил их перед ним. Он сказал: «Садись. Есть разговор».

Он подтолкнул одну из бутылок ко мне и предложил: «Выпей пива. Я плачу».

Садиться я не собирался.

На нем были солнцезащитные очки, скрывавшие глаза от собеседника. Одет он был в шерстяной костюм. На голове была повязана куфия⁴⁷.

Он спросил: «Египтянин?».

Я ответил: «Да».

Он снова предложил: «Садись. Я прочитаю твое будущее по ладони».

47 Мужской головной платок.

Хиромант пришел в пять часов, когда в ресторане перерыв между утренней и вечерней сменами? Я отказался: «В судьбу я не верю».

Гость настаивал: «Даже не представляешь, как много я о тебе знаю. И про хозяина ресторана тоже».

Я извинился: «Прошу прощения».

Вскоре я вернулся в бар.

Он сидел на том же месте: «Ты не хочешь поработать в Персидском заливе?».

Я ответил: «Нет».

Тогда он спросил: «Почему же? Ты сможешь работать среди других мусульман, твоих собратьев».

Я все больше раздражался: «Да не хочу я».

А гость все не унимался: «Сколько ты здесь получаешь?».

Я выпалил: «Нисколько. Я работаю даром».

Тут уже рассердился он. Приветливая улыбка сползла с его лица.

Он негодовал: «Ты хочешь меня оскорбить? К твоему сведению, я полковник полиции и эмир». Гость вынул из кармана удостоверение, на котором красовалась его фотография в военной форме. Я сказал: «Рады видеть вас в нашем ресторане. Но я не хочу, чтобы кто-то обо мне заботился».

Вечером он пришел вновь, чтобы пожаловаться на меня Тауфику. Тауфик эта ситуация только позабавила. Он предложил мне извиниться перед гостем и уладить, тем самым, проблему.

К нам зашел Марко, электрик из соседнего стриптиз-бара. Он рассказал, что мужчина, который вышел из нашего ресторана, часто у них бывает и заказывает всем столикам по бутылке отличного виски. Всей моей зарплате хватило бы только на одну.

Этот богач дает каждой девушки по пачке долларов. А от Линды он и вовсе без ума. Он ежедневно осыпает ее деньгами. Хозяин стриптиза совсем с ума сошел: оставляет ему первый столик, не отходит от него ни на шаг и никого к нему не подпускает. Теперь он вообще закрыл бар, чтобы весь вечер развлекать только этого посетителя.

Прошло несколько дней. Марко рассказал мне, что эта Линда бедная, но очень добрая девушка. И что щедрый эмир, перед тем как уехать, подарил ей квартиру, стоимостью в полмиллиона долларов.

Дядюшка Фаррадж заметил меня, когда я направлялся к выходу: «Иди сюда, разбойник! Ты не будешь есть?».

Я отозвался: «Нет, дядюшка Фаррадж. Только не чечевицу и фасоль!».

Он настаивал: «Все равно подойди сюда и дай мне тарелку».

Я принес тарелку. Он стоял у огромной кастрюли и помешивал черную чечевицу.

Я не выдержал: «Зачем это нужно, дядюшка Фаррадж?».

Он шикнул: «Потерпи!».

Дядюшка Фаррадж взял вилку, засунул ее поглубже в кастрюлю. Когда он вынул вилку, с нее в мою тарелку посыпались телячьи ножки.

Каждый день в течение лета нам привозили половину туши теленка. В холодильнике скопилось множество передних копыт.

Я положил на тарелку баклажаны и соленья, взял бутылку пива и приготовился насладиться телячьими ножками с черной чечевицей. Это было так вкусно, что я попросил добавки. Телячьи ножки, которые я так любил, я не ел уже целый год.

К нам устроился новый официант, студент инженерного факультета. Вскоре по ресторан пополз слух, что Джордж – так его звали – раньше был мусульманином, но принял крещение. На следующий день он уволился и больше в ресторане не появлялся.

Ахмад сказал: «Давным-давно, во времена мамлюков, мусульманка полюбила христианина. Тогда им всыпали плетей, надеясь, что она отречется от него. Но она упорствовала. Когда их бросили в реку, они обнимали друг друга.

Почему мусульмане думают, что в ислам можно только войти, но нельзя из него выйти?

Разве религия не предполагает свободную волю?».

Исам ответил: «Мусульмане, зачастую, ведут себя как самые настоящие варвары. Они гордятся, что только их религия заботится об иноверцах – иудеях и христианах, – предписывает хорошо с ними обращаться. И это несмотря на устроенную в Испании бойню, когда христиане воспользовались наступлением турок в арабских странах и обрушили на морисков святую инквизицию, вынуждая их под угрозой смерти принять христианство.

Мусульманские правители неоднократно могли устроить аналогичный геноцид христиан в своих странах, действуя по праву сильного. Но религия им запрещала».

Но Ахмад возразил: «Разве на Аравийском полуострове мусульмане не расправлялись с иноверцами? Где же тогда христиане Наджрана⁴⁸ и 48 Город на территории современной Саудовской Аравии. Во времена пророка Мухаммада в городе существовала большая христианская община, но уже при его приемниках христиане были высланы из Аравии.

иудеи Хайбара и Медины⁴⁹? Испарились? Их вынудили покинуть родные края. Или, угрожая расправой, заставили принять ислам. Мусульмане перебравшись в Египет из Магриба, Судана, Шама⁵⁰ и Хиджаза⁵¹. Их было так много, что христиане – истинные хозяева страны – просто растворились среди них».

Тут в разговор вмешался дядюшка Фаррадж: «Неправда. Я нубиец, а дедушку моего звали Бутрус⁵². Все без исключения жители нашего края были христианами. И они все разом приняли ислам. Теперь во всем Египте не найти ни одного нубийца-христианина. Произошло это не сразу, а только во времена Саладина⁵³. Мой пример доказывает, что большинство мусульман Египта – это бывшие христиане, уверовавшие в учение пророка Мухаммада».

Сейид добавил: «К вашему сведению, несториане – тоже христиане. Верили в единого Бога, но отрицали догмат о троице. Из-за разногласий с другими церквями все они приняли ислам».

49 Изгнанные из Медины пророком Мухаммадом иудеи укрались в аравийском городе Хайбар, однако позднее были изгнаны и оттуда.

50 Историческое название Сиро-Палестинского региона.

51 Область на западе Аравийского полуострова.

52 Аналог имени Петр. В арабских странах до сегодняшнего дня используют только христиане.

53 Саладин (1138–1193) – правитель Египта и Сирии. Победил крестоносцев и вернул арабам контроль над Иерусалимом.

Исам подытожил: «Итак, мы выгнали эту сволочь Джорджа».

«Ха-ха-ха», – к нам присоединился Тауфик. Он поспешил заметить: «Вы даже специально включили Коран по радио, чтобы он все понял без слов».

Ахмад спросил: «Что же нам так и оставаться в Средневековье? Было бы правильнее, если никто и никогда не интересовался бы религиозными убеждениями окружающих».

Но дядюшка Фаррадж возразил: «Слушай, что же тогда делать с подлецами вроде Джорджа? А ведь он, прикрываясь переходом в христианство, обманул гречанку-парикмахершу с площади Омония и украл ее деньги».

Ахмад настаивал: «Конечно, таких ублюдков все больше. Но разве он сможет теперь вернуться в Египет? Нет, дядюшка Фаррадж. Там полиция живо с него всю кожу сдерет».

«Слушай, ты думаешь, они в курсе того, что здесь происходит? Вот дядюшка Тауфик перед нами. И мы каждый день с ним видимся. Открой «аль-Ахрам». Пишут, что египетское правительство в его поисках роет землю носом. Сам Интерпол им помогает. А египетское посольство ежедневно и в полном составе у нас обедает».

«И это еще так, мелочи. Ко всему прочему, Тауфик раз в два дня общается с Усманом Ахмадом Усманом⁵⁴. Мне не нужно вам объяснять, кто это. Паспорт Тауфика отправляют в наше посольство, а назад он его получает с печатью о продлении визы».

«А помните ту умору из «аль-Ахрам»? Два дня назад они опубликовали очередной рассказ об истории успеха за границей. Выпуск был про Грецию. Они рассмотрели случаи восьми счастливиц, четверо из которых приняли христианство. Среди них, разумеется, твой любимый Джордж. Они опубликовали его портрет и написали, что он боролся за выживание, мыл грязную посуду. А потом на одной из главных площадей Афин открылся женский салон-парикмахерская, и он обманул и обокрал бедную девушку.

«А где же аль-Азхар?».

Ахмад вздохнул: «В Египте парни с бородами раздуваются от гордости, стоит одному христианину принять ислам. А здесь греки радостно улюлюкают каждому крестившемуся мусульманину. В конечном счете, оба они – сукины дети».

21

На время национального праздника мне полагалось три дня отдыха и на фабрике, и в ресторане. Семьдесят

⁵⁴ Египетский бизнесмен и подрядчик, игравший активную роль при строительстве Асуанской плотины.

два часа свободы. Соля предложила: «Поедем гулять?».

Мы вышли на рассвете. Свежий воздух, спящие дома. Мы шли и пели. На улице почти никого не было. Я спросил Солю: «Почему мы поехали именно в эту деревню?».

Мы шли вдоль высокой стены, приближаясь к кафе, расположенному на единственной во всей деревне площади. Я не успел даже закончить свой вопрос: сверху на нас обрушились горы муки. Все в белой пыли, мы остановились. Я посмотрел наверх и закричал, выражая недовольство произошедшим. В ответ мне слышался только смех.

Мы расположились около кафе, чтобы отряхнуться. Мимо нас проехала машина. В ней ехали молодые люди с разноцветными лицами: синим, красным и желтым. Поравнявшись с нами, они бросили в нас шариками с краской.

Я ни секунды не сомневался, что все жители деревни – психи.

Тогда я предложил Соле: «Давай поедем домой?».

Она посмотрела на меня несколько смущенно. Ее волосы были все в муке, блузка и штаны были запачканы чернилами красного и синего цветов.

С боковых улиц на площадь стекались группы людей. Каки мы, они были все муке и цветных чернилах. Парни с девушками целовались. В воздух взметнулись палки, топоры и винтовки. Они приближались к нам.

Соля вскрикнула и спряталась за моей спиной. Со стены кто-то снова высыпал на нас муку. Не осталось никаких сомнений: на нас наступают со всех сторон. Толпа подходила все ближе. Один из них отделился и направился напрямиком к Соле. Я выдернул из земли зонтик, под которым от солнца укрывались посетители кафе, и, размахивая им, двинулся в его сторону. Он пустился наутек. Все засмеялись и стали тыкать в меня пальцем. Я же продолжал отгонять любого, кто пытался приблизиться к Соле.

Многие десятки людей окружили меня. Я отступил назад, споткнулся о тротуар и упал, выронив зонтик. Они набросились на Солю. Она лишь успела прокричать: «Не бойся», – но они тут же закрыли ей рот рукой и куда-то ее понесли.

Два часа я провел прикованный к фонарю посреди единственной площади этой деревни. Разноцветные лица говорили, что от меня дурно пахнет, что-то кричали и били кулаками себе в грудь. На головах у некоторых из них красовались бараньи рога, на плечи были накинuty львиные шкуры. Всякий раз, глянув в мою сторону, они смачно харкали на землю.

Все новые и новые люди присоединялись к

собравшейся на площади толпе. Один присосался к ляжке соседа. Другой прикрепил к спине крылья и пытался взлететь. Юная девушка сняла всю одежду, а подруга облила ее краской. Еще один играл на разорванном аккордеоне, но мелодия его была слышна только ему самому да небольшой компании вокруг. Они плясали, целовались и упивались вином. Некоторые все свое внимание сосредоточили на ласках с девушками. Были и те, кто накручивал свои длиннющие усы, чтобы они доставали до земли.

Я не был в отключке. Мне было страшно.

Девушка вышла из-за спин остальных и направилась ко мне. Рубашка на мне была разорвана, руки связаны за спиной. Та девушка была очень хороша собой. Она была в коротких шортах. Особенной красотой отличалась ее грудь. Она посмотрела мне в глаза и нежно поцеловала меня в щеку.

Она тайком принесла с собой нож, разрешила веревки и обняла меня.

Я сказал ей: «Я должен найти Солю».

Она указала на узкий переулок, накинула мне на голову платок, чтобы я мог выбраться с площади, не замеченный пьяной толпой. Там я и нашел Солю. Она спала на земле. Я взвалил ее на плечо, вошел в ближайший дом и уложил ее на пол. Как можно плотнее закрыв дверь, я, вместе со своей спасительницей, стал наблюдать за происходящим на площади.

Незнакомка сказал, что не станет возражать, если я ее поцелую. Ее губы приблизились к мои. Руками я ощущал ее прекрасную талию. Я вытер муку у нее со лба и сказал: «Я боюсь за мою сестру Солю и хочу ее спасти». Тогда она принялась со мной заигрывать: «Не стану тебе помогать, если ты меня сейчас же не поцелуешь».

Мы стояли в темноте. В воздухе медленно плыли частички муки. С улицы до нас доносились истошные крики, звуки музыки, а в глазах рябило от ярких цветов. Девушка положила руки мне на плечи, и я вздрогнул, ощутив тепло ее груди.

Раздался громкий и протяжный зов трубы. На площади все вновь кричали, танцевали, пели и радовались жизни. Мы наблюдали за нами в оконную щелку. Люди не прекращали стекаться на площадь. Некоторые расположились под нашим окном и знаком призвали нас выйти.

Наша спасительница поцеловала меня и выбежала из дома.

Соля давно проснулась и посмеивалась надо мной в углу.

Она крепко обняла меня и сказала, что все это – представление и что сегодня праздник муки. Праздник освобождения деревни и разгрома вражеских воинств. Подготовка к чистому понедельнику, в который в Греции принято запускать в небо бумажных

змеев. Затем начнется Великий пост.

Так я побывал на языческом с примесью христианства празднике, именуемом по-гречески *Кафара Дефтера*.

Чтобы встретить начало Великого поста так, как это предписывает традиция, дети и юноши отправляются на свежий воздух: в горы, в долины рек, в сады. Играет музыка, люди поют, танцуют и веселятся. Греки едят хлеб *лагана* и *кабис*, различные сладости, морепродукты, особенно креветки и кальмары. Ввысь устремляются воздушные змеи. Вся Греция встречает наступление весны.

Соля сказала, что поверить не может, что есть на свете кто-то, кто за нее жизнь отдаст, будет нести ее на себе и укрывать от преследователей. Кто-то, готовый с оружием в руках защищать ее от целой деревни.

Из небольшого пакета, который она взяла с собой из дому, она достала булавку, взяла меня за руку и сказала: «Больно не будет». Затем она проколола мне и себе большой палец и соединила свою кровь с моей.

Она объяснила: «Это – языческий обычай. Но Иисус не станет расстраиваться: ведь я тебя люблю».

Мы протанцевали до самого утра.

В Афины мы вернулись на последнем автобусе, все в муке и краске.

Всю дорогу Соля спала на моем плече.

Как я хотел, чтобы этот чертов корабль затонул прежде, чем доберется до Афин.

У дверей ресторана остановились двое египтян. В руках у них были дорожные сумки. Они еще никого не знали в Афинах. Все что у них было – бумажка с моим именем, и они уже битый час пытались меня разыскать. Они сообщили, что эту бумажку им дал Набиль, мой друг, и что его пароход сначала заходит в Милан, а затем проследует в Афины. Встретились в порту Александрии. Я занес их сумки внутрь, а после закрытия ресторана нашел им квартиру.

Набиль Абдель Азим, марафонец-чемпион, извечный соперник Махмуда аль-Ильвани. Если его можно сравнить с птицей, то только со страусом: предназначенные ему для ходьбы ноги не знали иного способа перемещения, кроме как бег. На тренировках он покрывал пятьдесят километров и сбрасывал за это время семь килограмм. Закончив, он не мог и крошки проглотить, зато пил ведрами и все подряд: молоко, сок манго, каркаде и меда. Впрочем, на следующий день он бывал так голоден, что с радостью откусил бы твою руку.

Как-то раз мы оказались в захолустном городке на сборах перед соревнованиями. Все спортсмены жили вместе в тренировочном лагере. Но по-настоящему мы познакомились друг с другом в шашлычной: более трех сотен представителей таких видов спорта, как

тяжелая атлетика и легкая атлетика, волейбол и футбол, гандбол и настольный теннис. Тут поднялся Бульбуль⁵⁵ и без стеснения обратился к собравшимся кабанам: «У вас не осталось чего-нибудь недоеденного?». Набиль всегда доедал оставшееся мясо, овощи и фрукты.

Вечером мы с ним отправились в магазин. Набиль съел двадцать пять булочек, несколько яиц, немного сыра и ветчины, запил все это несколькими литрами молока, растянулся на циновке в нашем спортклубе, но заснуть так и не мог: покоя ему не давал голод.

Весил он не больше пятидесяти килограмм.

«Какой же ты дуралей, Бульбуль», – я всегда любил его позадирать. В таких случаях он едва слышно посмеивался, но никогда не отвечал. Для этого Набиль был слишком хорошо воспитан. Он вырос в религиозной семье, любил сыграть со мной в шахматы и ни разу в жизни не оскорбил ни одного человека.

Узнав о его скором приезде, я заволновался: «Черт подери, Набиль в Греции?».

Я подселил его к Сейиду аль-Араби. Он был весьма тучным человеком и массивную носил золотую цепь. Я знал, что он ищет соседа. Родом он был из Гизы и занимался отловом туристов: останавливал иностранцев на дороге и предлагал им свои услуги. В качестве соседа я предложил ему Набилю.

55 Традиционное египетское обращение к младшему члену семьи.

Мы с Бульбулем отправились на прогулку по Афинам. Мы прогулялись по улицам, зашли в общественный сад, затем перекусили сэндвичами. Я привел его к одному дому, мы зашли в квартиру и расположились в комфортабельных креслах. Набиль спросил: «А что это за место?». Я ответил: «Телефонный узел».

Он утопал в теплом кресле: «Вот это да!».

Разница была колоссальная: на телефонном узле в Египте всегда толпится народ, организации нет никакой, сами аппараты частенько не работают.

К нам вышла пожилая женщина. Она обратилась ко мне по-гречески. Я так же по-гречески ответил, что мы согласны.

Бульбуль, пораженный тем, как хорошо я говорю на греческом, спросил: «Что она хотела?». Я сказал, что она сейчас принесет телефон.

Через несколько минут к нам в чем мать родила вышла молодая, сексуальная девушка. Она принялась вертеться перед нами, демонстрируя свое тело.

Я подошел к ней, обнял ее и сказал, что она очень красивая. Как следует ощупав ее тело, я пообещал ей, что мы вернемся после работы.

Все это время Бульбуль сидел в кресле и от шока не мог пошевелиться. Глядя на нас, он повторял: «Ты настоящий преступник, бандит».

Оказавшись на улице, мы взорвались смехом.

Холодным январским днем, в праздник *Христоина*⁶¹ все мы вышли на улицу. У каждого в руках были свечи, прикрытые пластиковыми крышками, которые я предварительно изготовил на фабрике. Из церквей выходили прихожане с хоругвями, символизировавшими Христа. Процессия направлялась к собору. Добравшись до места, они начали праздновать.

На новый год и на другие праздники у греков принято бить посуду и играть в карты, проверяя тем самым, будет ли будущий год удачным. Из окон летят блюда и стаканы, все пьют узо и танцуют до утра.

Поздним вечером на автобусной остановке стояла пожилая женщина. С наступлением темноты автобусов приходится ждать дольше. На ней было бедное платье, а сама она была маленького роста и ни секунды не могла устоять на месте.

Чтобы скоротать время, она приставала с вопросами к ожидавшим автобуса соседям.

Она спросила меня: «Откуда ты?».

Я сказал: «Из Египта».

56 Греческое название праздника Богоявления.

Она то отходила от меня, то снова возвращалась. И все время что-то спрашивала: «Кем ты работаешь? Где живешь? А что, автобус опаздывает?».

Утомительная беседа.

Она спросила меня: «Почему ты выглядишь уставшим?». Я ответил: «Потому что я много работаю, чтобы накопить денег на свадьбу».

На следующий день мы вновь встретились на остановке: «Ты мусульманин?».

Я ответил: «Да».

Она продолжала: «И ты хочешь жениться?».

Я снова ответил утвердительно.

Тогда она поинтересовалась: «Зачем тебе себя так утруждать?».

Я ответил: «У меня шестьдесят три жены, а у моего брата двести тринадцать. Это не справедливо».

Ко всем остальным она утратила интерес: «Шестьдесят три жены?».

Я ответил: «Да». Она отстранилась, осенила себя крестным знамением, а затем продолжила: «Где они все живут?». Я удивился: «Конечно, в моем доме».

Она все не унималась: «В твоём доме шестьдесят три этажа?».

Я парировал: «Нет, они живут в комнатах, а на дверях номера. Один, два, три и так далее».

Она пересказала мою историю соседке на ухо, затем вновь подошла ко мне: «И ты спишь с ними со всеми?».

Я ответил: «Да».

Она продолжала: «У тебя есть дети? И сколько их?».

Я засомневался: «Не помню. Около ста тридцати пяти».

Она удивилась: «И ты помнишь их всех по именам?».

Я возразил: «Это не обязательно». И тут же спросил ее: «А у тебя есть дети?».

Она ответила: «Да, у меня дочь».

Я поинтересовался: «Она красивая?».

Старушка подтвердила: «Очень».

Тогда я предложил: «Почему бы тебе не отдать дочь за меня?».

Она испугано отстранилась, хоть и видела, что я улыбаюсь.

Я сказал: «Только за сегодня я взял в жены трех новых девушек».

Она восхитилась: «Вау! Ты ездил в Египет?».

Я ответил: «Нет, я женился здесь».

Она спросила: «Чем же они сейчас занимаются?».

Я подвел нашей беседе итог: «Старшие жены готовят их к семейной жизни: моют, обрызгивают духами и объясняют им что да как, в ожидании моего возвращения».

Можно выделить несколько категорий публичных домов Афин. Иногда они располагаются в шикарных отелях в районе *Палео Фалерон*. Бывают и такие, при посещении которых клиент имеет возможность выбрать девушку по каталогу, заплатив солидную сумму денег.

Публичные дома, доступные широким слоям населения, в большинстве своем расположены на улице Пиреос. Это одноэтажные здания с опознавательным знаком в виде фонаря красного, синего или желтого цвета.

Завсегдатаи таких заведений – ученики средней школы и студенты.

В публичный дом заходит целая группа одноклассников.

К входу ведет деревянная лестница. Школьники, поднимаясь по ней, отбивают ногами ритм: тук-тук-тук.

Сговариваться им навстречу выходит мамка. Школьники требуют показать им девушку. Один из них корчится, хватаясь за то, что пониже живота, и уверяет ее, что больше не может терпеть и что девушка нужна ему прямо сейчас.

Стоит девушке выйти, как их руки тянутся к ее телу, а дом наполняется восхищенным свистом собравшихся.

Тут кто-то из них подает условленный знак, и они на огромной скорости скатываются по лестнице вниз.

Если девушка им не понравилась, то мамке достается: отступая, они матерят ее самыми ужасными словами. Затем они направляются к другому публичному дому, не в силах сдержать смех.

У меня был любимый публичный дом, от посещения которого я буквально испытывал зависимость.

Мне кажется, из всех публичных домов Афин этот был самым последним.

Предоставляющие подобные услуги заведения, как правило, оборудованы кондиционером, а в ожидании девушки, клиент может расположиться в одном из удобных кресел.

Но только не здесь.

Войдя в дверь, ты сходу вступаешь в неравный бой с бельевой веревкой, на которой была развешана одежда, по большей части – исподнее.

В центре пустой гостиной располагалась небольшая керосиновая плитка. На ней в кастрюле грелась еда. Она же служила пристанищем луковым очисткам и тарелкам.

В моем любимом публичном доме проститутка к услугам мамки не прибегала. Да и зачем ей было нанимать старуху: они и сама была преклонных лет, а ее пузо от старости надулось и серьезно выступало вперед.

Перед тем как выйти к клиенту, она из-за двери приглашала его зайти в комнату. Она завлекала его рассказами о красоте ожидающей его девушки и о том, что она согласна заняться сексом не только спереди, но и сзади, и вообще, как и сколько посетителю захочется.

А цена – приемлемая: всего пятьсот драхм.

Я любил зайти в этот публичный дом, пофлиртовать с хозяйкой, а потом быстренько убраться восвояси. Предельное удовольствие я испытывал, когда в одно время со мной к ней наведывалась толпа школьников. Я с их массой и, закончив расспросы, с ними же убегал.

Перед тем как отправиться обратно в Египет, я захотел попрощаться с моей любимой проституткой.

Она, как обычно, отвечала на все мои вопросы из-за двери спальни.

С потолка, словно флаг, свешивались ее зеленые трусы. На полу была разбросана грязная одежда. В углу спала кошка.

Я беседовал с ней, и наконец, у меня не осталось никаких отговорок.

Она вышла в гостиную. На ней не было ничего кроме трусов красного цвета.

Она была маленького и весьма дурна собой. Настоящий арбуз.

Я спросил: «Обязательно использовать презерватив?».

Проститутка ответила: «Да».

Я запротестовал: «Но я не пользуюсь презервативами».

Только я двинулся к выходу, как она закричала: «Откуда ты?».

Я сказал: «Из Египта».

Она завопила: «Аааа, египтянин. У меня тут бывали Садат и Насер. И они пользовались презервативами».

Я усмехнулся: «Потому и умерли. Лично я умирать не хочу!», – и выбежал на улицу.

Она кричала мне вслед, что согласна без презерватива и что сделает мне хорошую скидку.

В ресторан позвонил один из моих друзей и сказал, что у Бульбуля какие-то проблемы с Сейидом

ал-Араби. Он посоветовал их навестить, когда у меня будет время.

На следующий день он позвонил снова: «У них творится что-то неладное».

В квартире Сейида было две комнаты.

Увидев меня, Сейид закричал: «Он меня ударил! Ты должен за меня заступиться!».

Он продемонстрировал сломанную ногу. Голова его была вся замотана бинтом.

Я отошел поговорить с Бульбулем.

Набиль рассказал мне, как все было: «Сейид неплохой человек. Он показался мне добряком, и я согласился с ним жить. Я убирал квартиру, готовил еду. Все сам. И никогда на него за это не обижался. Клянусь Аллахом, я даже стирал его одежду, только чтобы сделать ему приятное. Но Сейиду не угодишь. Как-то раз он начал меня оскорблять. Я ему сказал: «Сейид, так нельзя». Тогда он начал меня пинать или пытался дать мне пощечину всякий раз, когда я проходил мимо. Но я терпел. Несколько дней назад он заговорил о моей матери и стал ее оскорблять. Я его осадил: «Сейид, ты ничего о ней не знаешь». Тогда он прохрипел: «Уверен, что она проститутка».

После этих слов Бульбуль закрыл дверь квартиры и выбросил ключ в окно.

Сейид, растекшийся по дивану, как мешок говна, продолжал: «Он избил меня до полусмерти. Я требую компенсации».

Я пнул Сейида и сказал Бульбулю собирать сумки, так как он переезжает ко мне.

Вечером в наш ресторан зашел греческий бизнесмен. Он искал работника. Мы с Бульбулем вышли с ним пообщаться, а затем отправились на его машине к причалу. Там мы пересели на катер, который довез нас до необитаемого острова. Из всех сооружений здесь был только одноэтажный дом.

Бизнесмен сказал, что ему нужен человек, который будет делать кирпичи. Он спросил, занимались ли мы когда-нибудь чем-то подобным.

Я ответил: «Не приходилось».

Он в огорчении покачал головой, но продолжил: «Я научу делать смесь для кирпичей и заливать ее в формы».

Я спросил: «А что по деньгам?».

Бизнесмен пояснил: «Зарплата нефиксированная, получать будете исходя из количества изготовленной продукции. Тысяча кирпичей – тысяча драхм. Две тысячи кирпичей – полторы. Три тысячи кирпичей – две». Я спросил: «А за пять тысяч?». Он усмехнулся:

«За пять тысяч кирпичей плачу три тысячи драхм».

На следующий день бизнесмен вернулся на остров. Бульбуль, с запасом еды и воды, остался на острове. На рассвете он принялся за работу. Когда на закате *афендико* (владелец фабрики) прибыл на остров, чтобы узнать, как продвигается работа, Бульбуль с гордостью продемонстрировал ему десять тысяч кирпичей.

Афендико Бульбулю не поверил и заявил, что тот нашел на острове уже готовые кирпичи, припрятанные другим работником. Бульбуль бушевал, пытаясь доказать бизнесмену, что все эти кирпичи сделал он сам. В конце концов, они нашли справедливое решение их проблемы. *Афендико* согласился вновь оставить Бульбуля на острове с условием, что на следующий день он получит еще десять тысяч кирпичей. Если, конечно, Бульбуль не врал.

За сутки Бульбуль изготовил еще двенадцать тысяч кирпичей.

Теперь *афендико* работал на Бульбуля. Мы получили возможность собираться в доме на острове, смотреть футбол и жарить мясо. Бульбуль заходил к нам в ресторан, чтобы насладиться просмотром чемпионата мира, а *афендико* ждал его в машине снаружи. Напрасно я пытался убедить его войти. Он всегда отказался, утверждал, что и так счастлив. В машине он слушал магнитофон, курил и отдыхал.

Всякий раз, как кто-то из нас проходил мимо него, он спрашивал: «Бульбуль всем доволен?».

Возвращаясь домой в зимнее время года, я следовал по дороге вдоль канала. Строго говоря, это был не совсем канал. Скорее, дождевой водоотвод. Зимой снега и дождя в Афинах было с избытком.

Чего только не прибывало к стенкам этого канала! Некоторые жители греческой столицы выбрасывали в него всякий хлам, а другие его подбирали, если он был им нужен. Один грек вынесет из прихожей гарнитур да выбросит в канал. Другой выловит из всего гарнитура один только стул, или стол, или матрац.

Параллельная каналу дорога зимой казалась безлюдной. Когда шел снег, негде было укрыться. Приходилось следовать вдоль ряда машин, в которых уединялись парни с девушками. Заметив меня, гречанки подмигивали и смеялись от неожиданности.

Многие девушки в Греции не стесняются заниматься сексом на публике. Юноши относят их на самую вершину горы. Там они оголяются и предаются любви.

Рощи холма Плака и горы Акрополь всегда полны влюбленных пар.

Девушки в Афинах поддерживают форму. Тетушка Толя утверждала, что при весе более шестидесяти килограмм выйти замуж уже почти невозможно.

У гречанок принято ставить перед женихом особое условие: прежде автомобиля, он должен купить мотоцикл и лодку. Мотоцикл нужен, чтобы заниматься любовью в чаще леса. А лодка нужна, чтобы выходить в море, веселиться и заниматься сексом, раскачиваясь на волнах.

Тем, кто постарше, нужно не так много. Каждый день я проходил у окна нашего соседа Марио с первого этажа. Проснувшись, он разговаривал с цветочным горшком. У него был только один цветочек, который он заботливо растил.

Соля окликнула меня, когда я поздней ночью возвращался из ресторана. На ней была белая рубашка и красный галстук. Она сказала: «Ты почти не бываешь дома!».

Я ответил: «Я работаю в двух местах, чтобы скопить как можно больше денег перед отъездом».

Она меня пожалела: «Ты слишком много трудишься».

Я сказал, что готов бросить работу и весь день напролет смотреть в ее прекрасные глаза.

Она засмеялась и предложила: «Не надо. Давай просто погуляем немного у моря?».

Я пообещал, что мы пойдем гулять в выходные. Поедим каштанов и мороженого, сходим в кино. В назначенный день мы отправились на аттракционы.

Соля сказала, что у нее, кроме бабушки, никого нет. И она очень рада, что я стал ее братом.

Она все спрашивала, ходил ли я в публичные дома и что я там делал.

Соля настаивала: «Может, я как-нибудь схожу с тобой? Я так хочу посмотреть на тебя в публичном доме». Я ответил, что это невозможно.

Тем не менее, я отвел ее на улицу Сангро понаблюдать за трансвеститами. По возвращении она еще долго смеялась.

Соля в подробностях рассказала тетушке Толе о поднятии рельефов. Как мне от нее досталось!

Зимы в Греции суровые и долгие.

Мы прогуливались по пляжу *Палео Фалерон* и решили заглянуть в одну из гостиниц. В сущности, это был публичный дом. В холле гостиницы мы полистали каталог с умопомрачительной красоты девушками. Одна из них привлекла наше внимание невероятно высокой ценой. Мы попросили взглянуть на нее, и она к нам вышла. Оказалось, что она из Миньи⁵⁷.

У моря продавали обжаренные на углях каштаны. Здесь же располагались лучшие рыбные рестораны с креветками, устрицами, крабами и рыбой. Дары моря выкладывали у входа на специальный лоток со льдом, так что посетитель мог сам набрать себе в тарелку все, что пожелает. В этих ресторанах были представлены все виды рыбы.

Зима навевала на нас тоску. Мы родились в солнечных краях и не привыкли не видеть солнца по два-три дня. В Греции оно порой исчезало на несколько недель.

В феврале мне надоело просто смотреть на море. Я страстно желал ощутить его волны. В погожий денек я отправился на пляж, снял с себя одежду и бросился в его соленые воды. От холода у меня свистело в ушах.

57 Область в центральной части Египта.

Я весь дрожал. В море я провел всего несколько минут и вылез на берег.

Зимний пляж пустовал. Кроме меня здесь были только юноша с девушкой. Они целовались. Молодой человек расстегнул спутнице рубашку. Я увидел прекрасные юные груди. Он долго рассматривал ее соски, а затем вновь прильнул к ее губам. Я прошел мимо них, быстро оделся и ушел, чтобы оставить их в уединении.

Я рассказал Соле про Казандзакиса и его книгу «Христа распинают вновь», про фильм «Грек Зорба» и про греческого поэта Кавафиса, родом из Александрии.

Она сказала, что не любит турок.

Я согласился: «Аналогично».

Я заявил, что она должна любить меня больше того существа по имени Таки: ведь он малодушный трус, который пользовался ее добротой.

Она обиделась и предупредила, что если я еще раз скажу такое о Таки, то она разозлится.

Перед кафе дорогу нам перегородил Рамадан. Мы с Солей возвращались из кино. Она взяла меня под руку и напевала себе под нос: «*Сагабао макос, сагабао*

акос (Мой любимый послушай меня, мой любимый посмотри на меня)». А я ей подпевал.

Рамадан закричал: «Клянусь Аллахом, давненько тебя не было видно, студентка!».

Я отозвался: «Рад тебя видеть!».

Он подошел поближе и спросил: «Что это за свежий кусочек мяса?». Затем он протянул руку к Соле, а та отпрыгнула и закричала.

Я его оттолкнул, чтобы он не смел к ней приближаться. Тогда Рамадан замахнулся и ударил меня прямо в лоб.

Я вспомнил времена спортклуба. Еще два дня весь Цизефеас обсуждал, как я навалял Рамадану и выбил ему добрую половину передних зубов. Я двинул ему в живот, и он упал. Тогда я зажал его голову под мышкой и стал его душить. Я даже не понимал толком, что происходит, пока меня не оттащили. Рамадан дышал тяжело, жадно захватывал ртом воздух.

Его лицо было кроваво-синим, изо рта сочилась кровь. У меня была разбита бровь.

Рамадан несколько раз глубоко вдохнул, и жизнь к нему стала понемногу возвращаться. Сначала он грозился меня зарезать, затем пообещал сообщить обо мне в полицию. Я ответил, что меня это не волнует, так как через месяц я и так уезжаю. Я предупредил,

что в следующий раз его убью.

Обстановка в доме была наэлектризована.

Созвали срочное совещание. Пришел Набиль и другие ребята из Верхнего Египта. Мы были готовы к любому развитию событий, договорились в случае чего все вместе отметить Рамадана.

Соля побежала к тетушке Толе. Она спустилась к нам с аптечкой, чтобы осмотреть мою бровь.

Тетушка Толя упрекнула меня, сказала, что я идиот, как все мужчины.

Перевязав мне голову и сделав укол обезболивающего, чтобы я мог поспать, она оделась и вышла.

Она отправилась в наше кафе, кипевшее разговорами о случившемся.

Рамадан по-прежнему истекал кровью, прикладывал вату между зубов, пил и грозился отомстить.

Тетушка Толя позвала гречанку, хозяйку кафе, и египтянина, который хорошо понимает по-гречески.

К ней вышел гигант Сейид, и она расспросила его о травмах Рамадана.

Затем тетушка Толя вынула из сумки газетные

вырезки. Она предупредила, что человек на фотографиях – муж ее дочери и глава полиции в городе Салоники. Он не откажет ей в помощи. А в Афинах он сможет оказаться уже через три часа.

Она добавила, что нисколько не сомневается в необходимости ареста завсегдаев этого кафе и что это произойдет незамедлительно, если кто-либо посмеет приблизиться к ребятам, которые живут в ее доме, или сообщит о них в полицию.

Затем тетушка Толя повернулась к Рамадану и сказала: «Что до тебя, то ты напал на ребенка, которому еще нет шестнадцати лет. Девочка готова дать свидетельские показания. Только за это ты получишь минимум семь лет тюрьмы».

На столе она оставила копию своего удостоверения личности и часть газетных вырезок, чтобы хозяйка кафе могла убедиться, что все сказанное – чистая правда.

Я увидел тетушку Толю. Она сидела у моей постели. Под действием обезболивающего я то просыпался, то вновь засыпал.

Она спросила: «Ты помнишь, как однажды летом я вышла красить бордюрные камни? Один в черный цвет, а следующий за ним в белый?»

К тому моменту я уже почти запомнила все ваши имена. Вы вышли за мной следом. Мустафа настоял, чтобы я отдохнула, и вы выкрасили бордюры не только у нашего дома, но и на всей улице.

В тот день все соседи пришли меня поблагодарить. Я прославилась на всю округу».

Я прошептал: «Я все помню. Покрасив бордюры, мы сняли грязную одежду и разошлись по ванным комнатам. Потом мы вышли на улицу уже в чистых шортах, и я танцевал с тобой медленный танец в саду».

Она отозвалась: «Какой же ты все-таки разбойник».

В ту ночь тетюшка Толя заходила ко мне не раз. Я сказал ей, что бояться нечего: те, кто родом из Верхнего Египта, бессмертны.

Она засмеялась.

Пришел Набиль и помог мне собрать сумки. Он все ходил по комнате из угла в угол.

Мы с Солей долго поддерживали переписку. Она вышла замуж и уехала сначала в Италию, а затем в США. Ее бабушка умерла. Соля изучала искусство.

Я писал ей по-английски, болел, вспоминая ее прекрасные глаза, за Олимпиакос⁵⁸ и временами слушал «*Сагабао макос*».

58 Один из старейших греческих футбольных клубов. Многократный чемпион Греции.

С Солей мы отправились прощаться с Афинами. Было воскресенье, вторая половина дня. Улицы были полны радости и цветов. Мы не встретили ни одного парня или девушки в рубашке или брюках черного, коричневого или темно-синего цвета. Одежда прохожих пестрела всеми цветами радуги. Греки пели и плясали. И я с ними.

На купюре в сто драхм я написал свое имя и отдал ее Соле, чтобы она всегда помнила своего брата.

Мы поднялись на холм Плака и остановились между рестораном Фалахос и домом Урании. Было еще рано и ресторан был закрыт. Тогда мы спустились на площадь Синтагма, чтобы погонять голубей и попрощаться со смуглянкой-копткой Лейлой из Порт-Саида.

Я, как всегда, подарил Лейле плитку шоколада и полевой цветок. Ее прекрасные губы были подведены темно-фиолетовым цветом. В тот же цвет были покрашены ногти. При движении головы о ее длинную шею ударялись большие фиолетовые серьги. Волосы были собраны в хвост, в который она вплела шелковую ленту фиолетового цвета. Я заплатил по счету. Лейла подмигнула мне и, кивнув в сторону Соли, сказала: «У тебя хороший вкус! Это твоя девушка?». Соля поняла, что она имеет в виду. Я засмеялся и ответил: «Если бы это было возможно! Это моя сестра».

Я сказал Лейле, что пришел попрощаться. Мы вышли из кафе.

Мы не успели перейти дорогу, как она догнала нас и остановила: «Ты действительно уезжаешь? Тогда прощай. Мне будет тебя не хватать. Надеюсь, мы еще увидимся, когда ты вернешься. Хочешь чего-нибудь напоследок?».

Ради меня она бросила кафе и всех его посетителей.

Я сказал: «Надеюсь, у тебя все будет хорошо».

Она ответила: «Нет бога, кроме Аллаха».

Я добавил: «Мухаммед и Иса его пророки».

Я забросил сумки в такси. Соля спустилась вниз и обняла меня. Она плакала. Я поднял глаза и увидел тетюшку Толю. Она стояла на балконе. Я поспешил наверх. Она повязала мне шерстяную куфию, которую сшила сама, и сдавлено произнесла: «Береги себя».

Спустя четверть века я вернулся в Афины. Магазины сэндвичей с мясом и пива Кириакоса – единственное, что осталось от площади Омония, которую я знал.

Старинное кафе, где играли в шахматы, исчезло, а его место занял какой-то фаст-фуд. Посреди площади Синтагма уже не было кафе, в котором работала Лейла. Да и сказать, где именно оно находилось, я уже не мог.

Площадь гудела. Я спросил Кириакоса: «Ты меня помнишь? Мы познакомились двадцать пять лет назад».

Он воскликнул: «Ну дела!».

Закончив с клиентами, он подсел ко мне. Мы молчали, взирали на широкую площадь, раскинувшуюся перед нами.

Я, будто разговариваю сам с собой, сказал: «Сколько лет прошло, Кириакос».

Он ответил, словно в забытьи: «Я очень стар, но продолжаю работать. Если я брошу работу, мне будет нечего есть».

Перед нами возник ребенок-попрошайка, беженец из Ирака.

Старик Кириакос встал и склонился над столом, протирая его от крошек.

Раньше этот город не знал, что такое голод.

Поднимаясь на холм Плака, я вспомнил старуху с автобусной остановки. Думаю, я являлся ей в кошмарных снах и рассказывал про своих многочисленных жен. Должно быть, она уже умерла и теперь смеялась над моей историей.

Я стал журналистом. Атташе по культуре в греческом посольстве оформил мне специальную въездную визу.

В Грецию со мной отправился один приятель. Мы с ним издавали частную газету и искали возможность договориться с местной типографией.

Но у меня была и другая причина вернуться в Грецию.

Узнав о моем приезде, встретить меня пришел марафонец-чемпион Набиль. Он по-прежнему жил и работал в Греции. Он организовал нам студию на все время пребывания в стране. Я приступил к поискам следов моего брата, пропавшего в Греции несколько лет назад.

После того как я вернулся в Египет, три моих брата отправились в Афины. Назад вернулось только двое. Младший остался в Греции.

Его жизнь сложилась совсем не так, как у остальных членов моей семьи. Он был гораздо красивее нас всех. Приняв решение остаться в Греции, он купил там собственную квартиру. Порой до нас доходили странные истории о нем и о домовладелице, которая его буквально преследовала в надежде женить на себе. Спустя несколько лет он написал нашему отцу, предложив выслать денег. К тому моменту он приобрел дубильную фабрику.

Вскоре всякая связь с ним прервалась. Отец частенько заглядывал к сестре, моей тетке. Как-то она рассказала ему, что один богач из Асьюта был в Греции и встретил там Хатема.

Отец сильно горевал и обвинял меня в произошедшем: ведь это я проложил дорогу в Грецию, из которой не вернулся мой младший брат.

Журналист, мой спутник, в первый же день нашего пребывания в Афинах поставил условие: никакой свинины. Дело в том, что во всех ресторанах Греции готовят на свином жиру. Следовательно, наш рацион будет состоять только из сыра, фруктов, овощей и бобовых.

На третий день мой товарищ не выдержал и заявил, что более этого не вынесет и что не может жить без мяса и рыбы. Он даже пригрозил уехать, если мы не решим проблему с питанием.

Я вспомнил старые деньки. Мария из Александрии. Мы готовы были проехать пятьдесят километров, чтобы только отведать ее фалафель и бобы на топленом масле. Впрочем, идея показалась мне бесперспективной: когда я уезжал из Греции, ей было уже за пятьдесят.

Мария работала в гавани Пирея. Я решил отправиться туда, чтобы освежить воспоминания о месте, где подавали египетские блюда.

По дороге нам повстречалась группа рабочих из Египта. Я спросил у них, нет ли поблизости египетского ресторана. Они хором ответили: «Спросите Лейлу».

Ресторан Лейлы – пятьдесят столиков на открытом воздухе и несколько кондиционируемых залов на первом этаже дома. Я устроился поуютнее на мягком стуле перед рестораном. Отдохнуть присел и мой товарищ. Ассортимент блюд, представленный в меню, его полностью удовлетворил: мулюхийя, кролик, пшеничная каша, долма из капустного листа и жареное на сковороде мясо.

Я заказал пиво и овощной салат. Прошло более получаса, и я решил зайти внутрь, чтобы лично проверить качество блюд и поторопить поваров с нашим заказом.

В толпе людей у выхода из ресторана я увидел ее. Смуглянка Лейла из Порт-Саида ловко управляла работой официантов, покрикивала на них и торопила

с заказами. Некоторые посетители с ней заигрывали. Теперь пришла моя очередь.

Она все еще была хороша собой, хоть ей было уже сорок пять лет. Ее волосы, как тогда, были собраны в хвост.

Я сказал ей, что приехал из Египта. Ее прекрасные брови поднялись. Она смерила меня придирчивым взглядом и ответила: «Весьма рада. Если Вы не заметили, здесь все египтяне».

Посетители, поторапливая хозяйку с заказами, вопили на весь зал: «Лейла, Лола».

Я снова к ней обратился, сказав, что я только приехал в Грецию и что работаю в журнале. Она напряглась и спросила: «Чем могу?».

Я сказал: «Хотелось бы поесть».

Она ответила: «Хорошо».

Тут я не выдержал и выпалил: «А еще я люблю тебя уже двадцать пять лет».

Настоящая львица. Она буквально расสวิрепела: «Что Вы сказали?».

Я добавил: «В залог своей вечной верности я оставил тебе полевой цветок с холма Плака».

Лейла пристально на меня посмотрела и неожиданно вскрикнула.

Она сказала: «Никуда не уходи. Я вернусь через пару минут».

Лейла принарядилась. С этого момента мы приобрели статус VIP-гостей. Лейле надела жилет и затянула его поясом так, что виднелся ее смуглый живот. На ней были белоснежные брюки. Она слегка подкрасилась и тщательно расчесала волосы.

Прекрасная коптка вышла замуж за Василия. Так начиналась история Лейлы.

Я решил пошутить: «Где он?! Я его убью!». Она засмеялась и ответила: «Сидит наверху. Если бы ты действительно мог его прикончить».

Лейла осталась в Греции. Поклонников, к коим относился и я, у нее была масса.

Своей красотой она свела с ума грека Василия, представителя одной из богатейших семей Греции. Ее красота затмевала для него все. Он долго добивался взаимности. Но непременным залогом любви Лейлы было венчание, и он на ней женился.

Прошло два года, и она родила ему мальчика и девочку. В семье Василия, тем временем, закипало недовольство. Все потому, что он был любимым ребенком. За право выйти за него замуж сражались девушки богатейших семейств Афин. А эта колдунья со смуглой кожей его увела.

Когда в Средиземном море пропал корабль, принадлежавший семье Василия, его родители всерьез заговорили о роли Клеопатры в произошедшем несчастье.

Прибегнув в черной магии, Клеопатра околдовала Юлия Цезаря. Когда он умер, она, уже будучи седой старухой, овладела разумом Марка Антония, да так, что тот даже бросил войско в бою и бежал вслед за ней. Если бы она не совершила самоубийство, то Августа, вероятнее всего, постигла та же участь.

Родственники предложили Василию развестись с египетской ведьмой, но он отказался.

Тогда они предложили выделить ей отступные в полмиллиона долларов с условием, что она с ним разведется, заберет детей и уедет в Египет. Он отверг и это предложение.

Его отец умер, так и не примирившись с выбором сына.

Василий и Лейла отправились на похороны. На третий день пришел адвокат их семьи и огласил завещание покойного, в котором было прописано отлучение Василия и его жены от наследства.

Лейла объяснила, что физически Василий был в полном порядке. С ним не случилось сердечного приступа. Узнав последнюю волю отца, он застыл на месте. С тех пор он не помнил своего имени.

Назад Лейла его уже тащила. В кармане у нее было пусто, если не считать ее собственных пальцев.

Лейле приходилось заставлять мужа поесть. Единственное, в чем ей помогли дети, так это в продаже часов их отца и ее собственных драгоценностей. В Пирее она открыла ресторан с фулем и фалафилем. Эмигрировавшие из Египта греки, тосковавшие по египетским запахам, египтяне-рыбаки и портовые грузчики буквально носили ее на руках. Со временем ресторан начал процветать. В меню появились долма, суп из морепродуктов, мулюхийя и кебаб. Ресторан стал одним из самых больших в Афинах.

Она откинулась назад и завязала своими прекрасными руками волосы в привычный хвост. Лучи солнца упали на ее изумительные плечи. Она подняла стакан с лимонным соком и сказала: «У меня теперь развозят заказы шесть автомобилей. Я купила еще две машины: одну – сыну, другую – дочери. Они учатся в университете. А это здание я выкупила целиком и живу над рестораном».

Я спросил: «А твой муж?».

Она ответила: «Он наверху. Хочешь его увидеть?».

В первый день мы поели в ресторане за ее счет. Каждый вечер мы с товарищем возвращались в это прекрасное место.

Когда пришло время прощаться, Лейла заплакала.

Напоследок он сказала: «Спрашивайте обо мне, если снова окажитесь в Греции, и не забывайте вашу сестру».

Лейла помогла мне найти брата.

В розыскных мероприятиях принимало участие сразу несколько человек.

Спустя три дня один из них позвонил и сказал, что мой брат сидит сейчас перед ним в кафе.

Увидев его, я не смог сдержаться: так меня огорчил его внешний вид.

Он стал уличным попрошайкой.

Волосы его доходили до колен. На нем были рваные штаны, а на ногах – два разных ботинка.

Моему появлению он искренне удивился.

Говорил он не слишком эмоционально и наотрез отказался вернуться в Египет.

Он продал квартиру и фабрику, жену себе так и не нашел, бросил работу, не смог платить за жилье и перебрался на улицу.

Я был обеспокоен. Мы отправились на пляж Вула. Там я собирался тщательно осмотреть его тело. Мне показалось, что он как-то с трудом глотает сок и

слишком жадно курит. Слава Богу, на его теле следов уколов я не обнаружил.

Он попросил у меня денег, забрал всю сумму и, даже не поблагодарив, ушел.

В следующий раз я вернулся в Грецию через три года после описанных событий.

К тому моменту Набиль, марафонец-чемпион, вернулся в Асьют. Теперь он всегда лежал: он повредил спину и пошевелиться уже не мог.

Я поспешил к нему в больницу. Увидев меня, он измученно прошептал: «Как же я хочу снова бегать».

Что до моего брата, то его арестовали по обвинению в бродяжничестве и уклонении от налогов.

Я позвонил в Грецию и упросил одного знакомого одолжить ему денег. Отмытый и постриженный он вернулся в Египет.

Впрочем, следующие три дня после его прибытия в аэропорт Каира оказались для нас настоящей пыткой. Я вынужден был следовать за ним из одной тюрьмы в другую, так как офицеры службы безопасности сомневались, не является ли мой брат членом *аль-Каиды*⁶⁴. Наконец, уже в Асьюте, его выпустили.

Оказавшись на свободе, мой брат заявил, что с ним плохо обращались. А ведь он приехал в качестве почетного гостя, на деньги египетского правительства.

Я вновь оказался в Греции в бытность президентом шахматной федерации Египта. Свой паспорт я отправил

59 Одна из самых крупных террористических организаций ваххабитского толка.

в посольство вместе с паспортами представителей нашей делегации на чемпионате мира по шахматам в Порто Каррас. Но с получением визы возникли затруднения. Греция не так давно вошла в Евросоюз. Исполнительный директор шахматной федерации Египта сообщил мне о вероятных осложнениях, и я лично отправился в посольство. Секретарю посольства я выразил свое недовольство сложившейся ситуацией. Кажется, мое поведение разозлило консула. Она наблюдала за нашим разговором через камеру видеонаблюдения. Тогда она вышла ко мне сама. По ее лицу было видно, что она вне себя от злости.

Консул сказала, что наших бумаг недостаточно и что она не верит, будто бы мы спортивная делегация. Если мы хотим получить визу, то должны предоставить подтверждение своего статуса.

Я сказал, что официальный статус нашей делегации подтверждает подписанный премьер-министром приказ. И что представленные паспорта принадлежат тем же людям, чьи имена упомянуты в правительственном документе. Но она заявила, что этого ей недостаточно и что она хочет получить подтверждение моих слов из Греции.

Я написал организаторам чемпионата в Грецию, и они переслали нам подтверждение нашего участия в качестве представителей африканского континента на чемпионате мира.

Время шло.

За десять часов до отъезда консул уведомила нас, что согласна дать визу четверым шахматистам и больше никому.

Значит, на соревнования отправится половина команды, без тренеров и административного персонала. Я отменил поездку.

В здании шахматной федерации я провел пресс-конференцию, во время которой рассказал о встреченных египетской делегацией препятствиях, связанных с поездкой на чемпионат мира. Мое заявление было опубликовано в газетах «Ахбар» и «аль-Ахрам».

Греческий консул тоже начала действовать. Через одного своего знакомого-взяточника она добилась появления опровержения в газете «аль-Ахрам». В нем утверждалось, что я не предоставил вовремя необходимого подтверждения статуса журналиста. Следовательно, меня посчитали безработным и на этом основании отказали в визе. И это при том, что в египетском паспорте указывается место работы!

Так совпало, что через месяц в Греции должен был состояться еще и чемпионата мира по шахматам для всех возрастов. Я передал бумаги нашей делегации в МИД Египта, приложив к ним краткий отчет о том, что произошло с нашей делегацией в прошлый раз, и о живых оправданиях консула Греции. МИД направил ноту греческому послу, попросил его поспособствовать

получению шахматистами визы и сообщить об итогах.

Я снова оказался в лапах консула Греции.

Она потребовала личной встречи с каждым членом нашей делегации.

Когда пришла моя очередь, к нам присоединился посол, несколько полноватый, но весьма привлекательный мужчина.

Он спросил меня: «Вы журналист?». На встрече ему помогала переводчица. Я ответил: «Да». Он продолжил: «Чем вы можете подтвердить свои слова?».

Я сказал: «Место работы и должность прописаны у меня в паспорте».

Кроме того, я показал ему несколько газет и журналов с моей фотографией и подписью: главный редактор такого-то и такого-то печатных изданий.

Он попросил переводчицу объяснить, что я ему сказал.

Получив разъяснения, он затих. Я прибавил, что в нашей делегации есть чемпионы мира по шахматам в возрастной категории до двадцати лет, и вынул несколько европейских журналов, которые это подтверждали. Он замахал руками. Было понятно, что он мне верит и без этого. А вот действиями консула он был глубоко возмущен.

Посол отошел, чтобы поговорить с консулом по-гречески. Он сказал, что не хочет проблем и что, по

всей видимости, консул просто проявила упрямство, отказав мне в визе в первый раз. Еще он добавил, что она соврала ему насчет подробностей этой истории.

Тут я извинился по-гречески.

Он удивился: «Вот это да! Вы говорите по-гречески?!».

Я ответил: «Немного. Я болею за Олимпиакос. Люблю Никоса Казандзакиса, Андреаса Папандреу, хорьятики, бузуки, сиртаки и Теодоракиса⁶⁰. А вообще, я прошу прощения, что вас перебил. Просто мне показалось, что неприлично сидеть и делать вид, что я вас не понимаю».

Посол запричитал: «Нет, ну что вы...».

Он снова прикрикнул на консула и повторил: «Казандзакис, Теодоракис, Олимпиакос».

Затем он с жаром пожал мне руку и вышел.

Консул уселась на место и внимательно на меня посмотрела. Ее словно поразило молнией. Я смерил ее взглядом, полным превосходства. Для меня она уже была поверженным врагом.

С первого моего визита в посольство она совсем не изменилась: маленького роста, злобная и хитрая.

Она попыталась меня поддеть: «Вы рыбак?».

Я понял, что она имеет в виду. Она намекала, что я один из тех голодранцев-рыбаков Азбат-эль-Бург, которых полно в порту Пирея.

60 Микис Теодоракис (род. 1925) – греческий композитор.

Я ответил: «Нет».

Она удивилась: «Где же вы тогда выучили греческий?».

Я сказал: «Я там частенько бывал. А еще здесь в Египте работал один грек-официант по имени Харалампо. Мы его очень любили и считали египтянином. Его дочь учила меня греческому».

Кровь прилила к ее лицу.

Спустя полчаса мы получили визы.

В аэропорту Афин вся наша команда оказалась в хвосте длиннющей очереди. Я заметил девушку из службы пограничного контроля и закричал по-гречески: «Красавица, помоги нам». Она улыбнулась и отвела нас к другой стойке, где не было очереди. Со всеми нами она управилась в несколько минут. От нее пахло знакомыми мне с юности греческими запахами. Она сказала: «Добро пожаловать».

Запах сувлаки⁶¹ и узо. Ветерок *Палео Фалерон* и теплота домов Калифеи. Дни, проведенные в Цизефиасе. Я буквально видел все это в ее глазах. Я пококетничал с ней, сказав, что мы чемпионы мира по шахматам и что, хоть она и офицер полиции, но мы ее не боимся, так как у нас есть кони, короли, пешки и слоны. Она засмеялась. Дуновение ветерка донесло до меня запах ее золотых волос. На прощание она добавила: «Надеюсь, что вы победите. Желаю вам удачи».

61 Небольшие шашлыки на деревянных шпажках.

На обратном пути мы сначала долетели из Салоников до Афин. До самолета в Каир оставалось еще двенадцать часов. Полчаса я простоял в аэропорту сам ни свой, но, в конце концов, не выдержал и, оставив сумки с тренером команды, выбежал на улицу.

В поисках такси до города, я остановил прохожего, чтобы узнать, в какую сторону рынок Монастираки.

Он удивился: «Что ты вообще делаешь снаружи? Внутри аэропорта есть вход в метро».

Великолепное современное метро стрелой домчало меня до центра города.

Того старого деревянного метро, которое я помнил, в Афинах уже не осталось. Изучив карту, я обнаружил, что за время моего отсутствия было построено аж семь новых линий.

На улочках рынка Монастираки почти никого не было. С недавних пор драхмы были не в ходу. Я спросил, сколько стоит футболка. Оказалась, что не менее сорока евро. А тапочки – не менее восьмидесяти. Я печально ретировался. Цены в Греции теперь были в три раза выше, чем, даже, в Германии. Город изнывал под гнетом евро.

Когда я вышел с рынка, в запасе у меня оставалось еще целых десять часов.

Вдалеке виднелось подножье холма Плака.

Я поднялся к Акрополю.

От старых домов и ресторанов не осталось и следа. Их место заняли высотки, магазины, где продавались изделия из раковины и кости и билетные кассы.

Район Плака был разрушен.

Одноэтажный дом Урании, не выше стены его окружавшей. Запах единственного жасминового дерева в саду сбоку от него. Тот самый дом, на крыше которого летом ее семья наслаждалась свежим вечерним воздухом и прекрасным видом на Афины, блестевшие вдалеке множеством огоньков.

Годы стерли с лица земли это место. Во все время подъема в гору я пребывал в подавленном состоянии. Вдруг я увидел ресторан «Фалахос». Он по-прежнему стоял на своем месте.

Я остановился напротив. Дома Урании я не нашел.

У входа в ресторан сидел мужчина лет сорока. Он заметил мой интерес и спросил: «Чем-нибудь могу вам помочь?».

Я спросил: «Я только хотел узнать, где сейчас Маноли».

«Какой Маноли?».

«Владелец ресторана».

«Это мой ресторан».

«Прошу прощения. А вы с ним не знакомы?».

«Нет».

«Ну, Маноли. У него еще был брат Коста».

«Нет».

«Видимо, Маноли продал ресторан кому-то еще до вас».

«В любом случае, до меня рестораном владел не он».

Влекомый толпой туристов, я поднялся на Акрополь.

Я вспомнил ту фразу: «познай себя».

И дом Самуила и Элен.

И поцелуи Урании.

И звучавшие по вечерам песни.

Я спустился вниз. У меня оставалось не так много времени до самолета.

Кто-то выхватил меня в толпе и спросил: «Нашел его?».

Я опешил: «Кого?».

«Ну, этого Маноли».

«Какого Маноли?».

«Бывшего владельца ресторана».

Только тут я заметил, что ко мне обратился нынешний владелец «Фалахоса».

Я ответил: «Не нашел, но все равно спасибо».

Элен уехала из Греции. С Самуилом и дочерью она переселилась в Голландию. Спустя десять лет после этого они навестили меня в Асьюте. К тому моменту они окончательно обосновались в Эйндховене, где располагались верфи ее отца.

От Нила у Элен захватывало дух.

Она настояла на том, чтобы отправиться к моим сестрам и посмотреть их семейные альбомы.

Мы с ними побывали в Тагте, у семьи Самуила. Ночью мы слышали звуки выстрелов. Когда Элен узнала, что рядом свадьба, она потребовала, чтобы мы пошли на нее посмотреть. Весь праздник она с наслаждением любовалась египетскими крестьянками в вышитой цветастой одежде.

Элен спросила: «Почему у них такая яркая одежда?».

Я ответил: «Потому что вся их жизнь – сплошные печали и заботы, и целый год они носят только черное».

Она не унималась: «А на юге мужчина по-прежнему лишает женщину невинности пальцем?».

Я признался: «Да, иногда бывает и так».

В самый разгар свадьбы Элен увидела окровавленный платок, вскочила с места и закричала: «Самуил, смотри!».

Когда мы вернулись домой, Самуил сказал мне: «Из-за тебя я когда-нибудь окажусь по уши в дерьме!».

Мне уже нужно было торопиться в аэропорт, как я вспомнил тетушку Толю.

Я направился в Калифею и прогулялся около знакомого кинотеатра и по торговой улице.

Цизефеас находился всего в двух остановках. Я в подробностях припомнил черты ее лица.

Тетушка Толя никогда не плакала.

Но в тот день она обняла меня и зарыдала.

Я сказал, что вернусь и обязательно спрошу о ней.

И я не врал.

Я действительно разузнал, как она.

Я очень боялся узнать, что она умерла: когда ее оставил, ей было семьдесят лет. Теперь прошло еще тридцать. Но вдруг я увидел ее вдалеке. Она стояла на том же самом месте.

Тетушка Толя.

Автобиография

- Директор центра Эль- Хилал газетного наследства.
- Редакционный директор журнала Эль– мосаур.
- Генеральный редакционный директор саудовского журнала Эль – мостасмер.
- Генеральный редакционный директор газеты эль - сабах (ежедневное опубликование).
- Бывший глава египетской шахматной федерации.
- Член киноассоциации критиков и писателей кино.

Эль- Хилал

Из произведения писателя :

- Последние слова известного поэта / Ахмед Фуад Негм.
- Папа скончался (сборник рассказов) .

телефон : (+2) 01200068899

Электронная почта : adelsaad2malak@gmail.com.

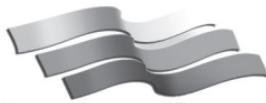
О переводчике

- Федоров Николай Сергеевич (1993 г.р.). Востоковед-арабист, переводчик. Родился в г. Москва. Выпускник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (факультет Институт стран Азии и Африки). В 2015 - 2016 учебном году проходил стажировку в Египте (Каирский университет, факультет гуманитарных наук).
- Изданы его переводы на русский язык : Роман «Папа скончался» и Сборник рассказов «Христианин по имени Рамада» в издательстве «Российские новости»

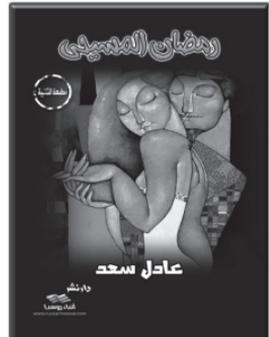
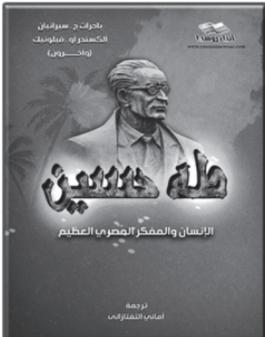
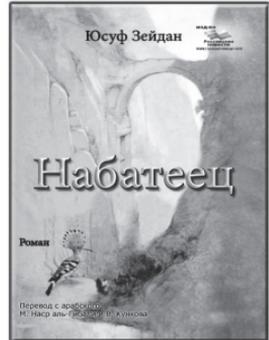
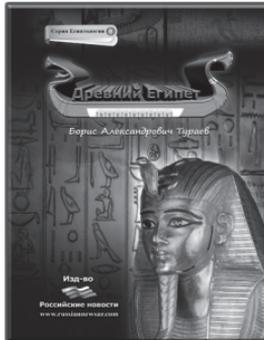
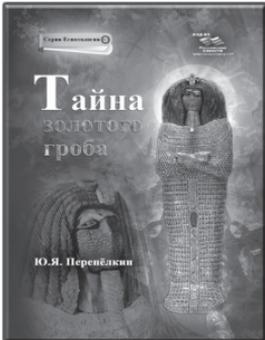
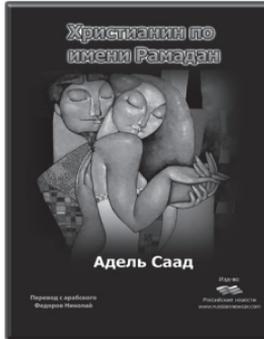
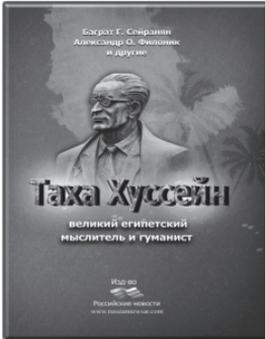

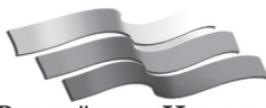
Федоров Николай

Электронная почта : nikolasfedorov93@gmail.com.

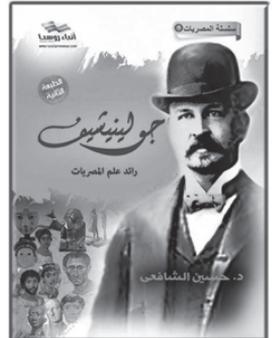
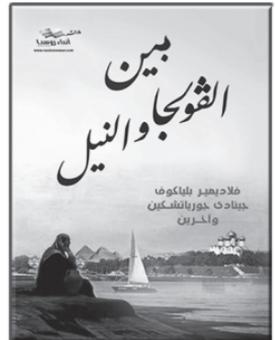
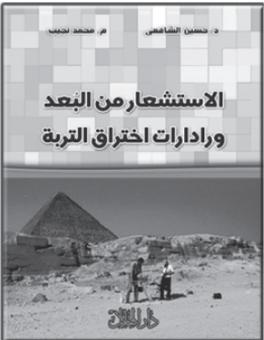
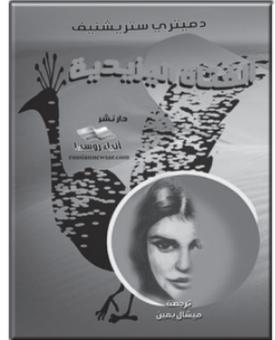
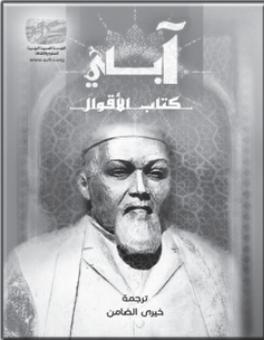

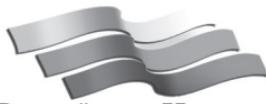
Российские Новости
www.russiannewsar.com

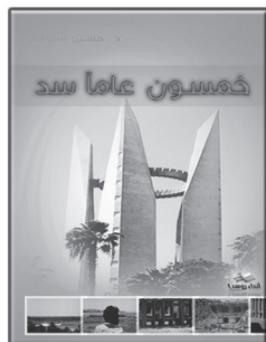
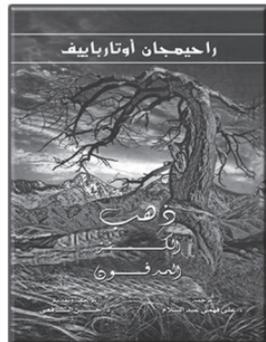
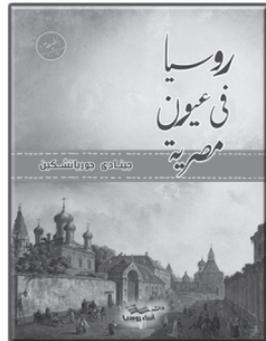
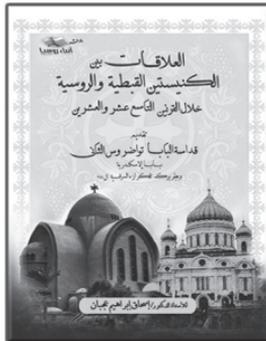
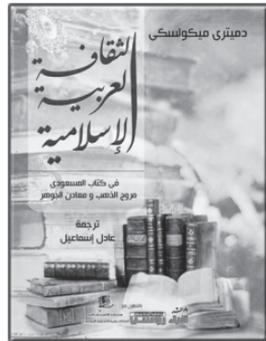

Российские Новости
www.russiannewsar.com

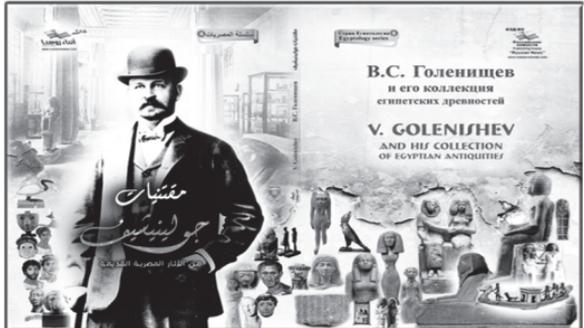
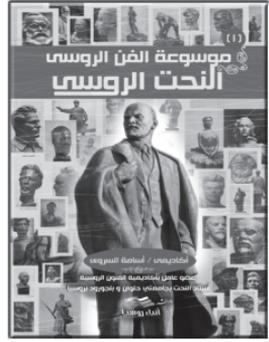
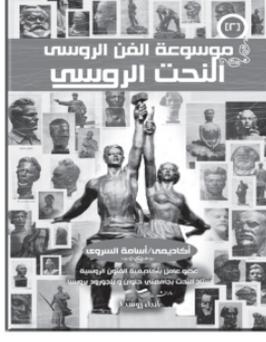
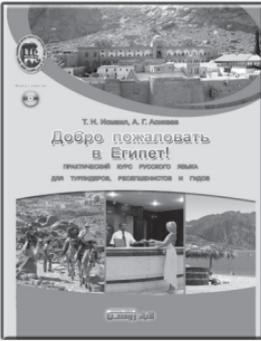
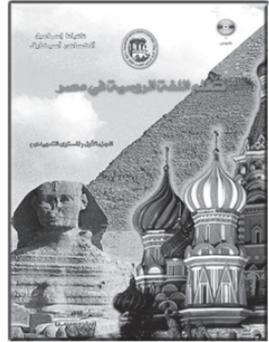
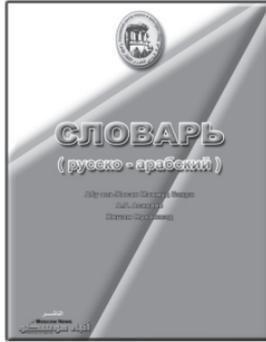
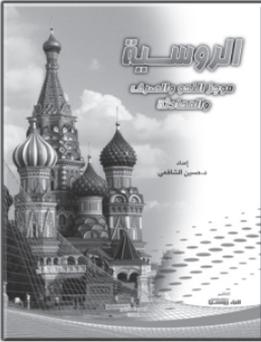

Российские Новости
www.russiannewsar.com

Российские Новости
www.russiannewsar.com

Российские Новости
www.russiannewsar.com

أخبار روسيا
Russia News

مصر تفوق الفضاء لأول مرة بجمع زوالات
بخطلة الجبين من

بداية عام 2011، بعد 50 عامًا من اكتشافه، بدأ علماء الفضاء في دراسة تأثيرات الجبين على صحة الإنسان. وقد أظهرت الأبحاث أن الجبين يمكن أن يحمي الإنسان من الإشعاع الفضائي الضار.

بداية عام 2011، بعد 50 عامًا من اكتشافه، بدأ علماء الفضاء في دراسة تأثيرات الجبين على صحة الإنسان. وقد أظهرت الأبحاث أن الجبين يمكن أن يحمي الإنسان من الإشعاع الفضائي الضار.

أخبار روسيا
Russia News

بوتين يتخطى زيارة ناجحة إلى القاهرة

كل الحق في العالم في تونج بالعودة إلى أمريكا
مؤامرات مسخرة لوجه الذهب الروسي المتسلسل وفتح يدانه

أخبار روسيا
Russia News

مصر وروسيا تحفان
بذكور الشيخ
محمد عبد الطمنان
في مسند اسمه
بالمسند
بالمسند

أخبار روسيا
Russia News

بوتين يخاطب القمم الأمريكية،
دعوة للحزب

أخبار روسيا
Russia News

روسيا ترحب بوزير الدفاع ووزير الخارجية المصريون
خلال زيارتهما إلى موسكو

أخبار روسيا
Russia News

بوخاروف، بروجي حالي اقتباس
بين موسكو والقاهرة للتحديد
وود زيارة الرئيس
بوتين إلى مصر

الفضاء الروسي
الفضاء الروسي

عدد خاص
معلومات الملاحقة الفضائية الروسية
الصاروخ تحت تصرف

الفضاء الروسي
الفضاء الروسي

RESHETNEV
COMPANY

معلومات انبار المعونات
ريشيتوف 50 عامًا من البريدة في صناعة الفهم المعونات

الفضاء الروسي
الفضاء الروسي

ريشيتوف
50 عامًا من البريدة في صناعة الفهم ومعلومات المعونات

كازاخستان والفضاء
كازاخستان والفضاء

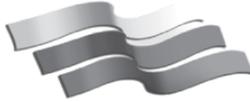
أربع عشرون عامًا من استقلال أوزبكستان

أخبار أوزبكستان
أخبار أوزبكستان

أربع عشرون عامًا من استقلال أوزبكستان

الفضاء الروسي
الفضاء الروسي

روسيا تلحق برنامجه فضائيا معاً بكلفة أكثر من 4 مليار دولار
- زيادة حصة المسكك بالأحمر العالمية
- 50 مليار دولار

Российские Новости
www.russiannewsar.com

И
Египетско-Российский фонд
культуры и наук

www.a_rfcs.org

Председатель Египетско-русского
фонда культуры и наук
Д-р Хуссейн Эль-Шафи